

Иар Эльтеррус ТОЛЬКО МЫ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Иар Эльтеррус

Только мы

«Автор»

2012

Эльтеррус И.

Только мы / И. Эльтеррус — «Автор», 2012

Сорвана печать с врат Ада, мир катится к пропасти, его ждет огненный шторм – Творец исчерпал меру терпения. Грядет Апокалипсис. Его нельзя остановить, люди перешли грань из-за своей жадности и глупости, их ждет Суд, тот самый Суд, который еще называют Страшным. Но есть последняя надежда если не остановить, то хотя бы смягчить приговор – ясноглазые дети, ничем не похожие на обычных. Вот только не понимающие, что происходит спецслужбы пытаются уничтожить этих детей любой ценой, лишая себя тем самым последнего шанса на прощение. И тогда ответственность за судьбы мира берут на себя двенадцать человек из разных стран. За ними начинается охота, приказано стрелять на поражение, как только их обнаружат. Но они не сдаются. Они исполняют свой долг.

© Эльтеррус И., 2012

© Автор, 2012

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Иар Эльтеррус Только мы

*Что, грешите, чертовы дети?!
Что ж, валяйте, пока еще ваша власть.
Для себя вы сами плетете сети,
В кои скоро вам же дано попасть.
Видишь – Агнец с Книги сорвал печать,
Значит, срок настал за все отвечать.*

Мартиэль

От автора

На эту тему писали многие. Самые заметные, по моему мнению, вещи – это «Кукушки Мидвича» Джона Уиндема, «Конец детства» Артура Кларка и «Гадкие лебеди» Аркадия и Бориса Стругацких. Но у каждого автора свое видение. Я не составляю исключения из этого правила. Тем более, что у меня достижения сверхчеловеческого состояния дети – всего лишь фон для повествования об Исходе. Эта книга не давала мне покоя восемь лет, небольшие ее куски в виде нескольких предложений записывались и откладывались, но всерьез браться за нее я не рисковал. Эти куски были разбросаны по моему архиву то там, то тут, нелегко было их все отыскать, когда пришло время. Почему я только сейчас взялся за эту вещь? У меня нет ответа – так вышло.

Книга вышла жесткой, кто-то, возможно, скажет, что даже жестокой. Но от меня тут мало что зависело – так напислось, так ощущалось. Так было правильно.

Все совпадения с реально существующими людьми или событиями случайны, роман с начала и до конца является плодом авторской фантазии.

Глава 1

*...Но снова – в поиск. На руинах прошлых жизней,
В осколках будущего, в отблесках «сейчас»
Ты забываешь о потерянной отчизне,
Ты падаешь в водовороты пошлых фраз.
Не удержаться, но – ты сможешь, ты же должен
В той пустоте, в том запустении и печали
Найти детей, каким еще не сложно
Расправить крылья не из латекса и стали.
На каждой улице встречаешь оболочки,
И каждый раз с надеждой ловишь взгляд, но...
Везде все пусто, все зрачки – одною точкой,
Всем безразлично. Всем слишком наглядно.
А ты идешь по перевернутым мостам,
По пресеченной местности проспектов,
И ищешь, ищешь, ищешь! Где-то там
Есть дети забытых еще спектров.*

Влад Вегашин

Николай Иванович запахнул пальто и поежился. Холодно, ветер пронизывающий, хотя мороза пока еще нет. На душе тревожно и неуютно. Казалось, все привычное рушится, а на его месте возникает нечто непонятное, нечто абсолютно чуждое, вызывающее какой-то подспудный страх, зовущее туда, где человеку вовсе не место, даже если он не совсем человек. Прокурор тяжело вздохнул, переложил из правой в левую руку свой старый потертый портфель и не спеша двинулся по Тверской в сторону Глинищевского переулка.

Интересно, кому и по какой причине он понадобился в Генеральной прокуратуре? Позвонили: завтра срочно прибыть, отговорки не помогли, пришлось переться в Москву, будь она неладна. Николай Иванович никогда не любил этот суетный город – все куда-то бегут, несутся, не помня себя. После пары часов пребывания в Москве у него начинала болеть голова, поэтому он посещал столицу крайне редко, и только если не было иного выхода. Сейчас был как раз такой случай. У начальства ведь семь пятниц на неделе. Вызвали зачем-то и слова не сказали о причине. Хоть бы только никаких неприятностей не возникло. Старого приятеля, Сашку Холмогорова, вот так вызвали и уволили. Очень хотелось надеяться, что с самим Николаем Ивановичем такого не случится, ведь уволенному прокурору найти новую работу почти невозможно, а переквалифицироваться в адвокаты он желания не имел – терпеть не мог эту гнилую братию.

Два квартала от метро «Тверская» до Глинищевского переулка он миновал быстро, затем свернул, бросил взгляд на номер дома и пошел дальше. Через пять минут Николай Иванович открыл дверь генеральной прокуратуры и вошел. Внутри сообщил охраннику, что по вызову Татищева. Тот куда-то позвонил, выслушал ответ, проверил у посетителя документы и пробурчал, что того ждут на втором этаже, в двадцать шестом кабинете.

Найдя нужную дверь, прокурор осторожно постучал, все еще продолжая гадать, на кой черт его сюда вызвали.

– Войдите!

Николай Иванович отворил дверь и вошел. Его встретил внимательный, оценивающий взгляд пожилого лысого и грузного мужчины в темно-сером костюме в мелкую клетку.

– Николай Иванович? Солнцев? – поинтересовался хозяин кабинета.

– Да.

– Садитесь. Хотите чаю?

– Благодарю, нет. Я позавтракал.

– А я попыю, – улыбнулся хозяин кабинета, но улыбнулся только губами, глаза так и остались настороженными и какими-то колючими. – Кстати, не представился. Татищев, Михаил Петрович. Старший советник юстиции.

– Очень приятно, – наклонил голову Николай Иванович, садясь. – Прошу объяснить мне, к чему такая срочность? У меня несколько незавершенных дел, а тут звонят: срочно езжайте в Москву, вас ждут. Я уже чего только не передумал...

– Ничего страшного, Николай Иванович, – заверил Татищев. – Просто мы хотим поручить вам кое-что. Все остальные ваши дела придется передать другим.

– Но как же... – растерялся петербуржец. – А кто закончит расследование в шестой школе?

– Ваши коллеги и закончат. А вас мы попросим заняться довольно-таки необычным, скажу больше, загадочным делом.

– Каким?

– Сейчас расскажу. – Во взгляде Татищева появилась жесткость. – Учтите, сперва вам придется дать подписку о неразглашении.

– Даже так? – искренне удивился Николай Иванович. – Хорошо. Это не проблема.

Хозяин кабинета подвинул в его сторону лист бумаги с текстом, напечатанным мелким шрифтом. Прокурор внимательно прочитал и мысленно покачал головой – подписка была нестандартной, куда более жесткой, и требовала скрывать подробности расследования даже от собственного начальства. Затем подписал, не совсем понимая, для чего это делает и почему соглашается.

– Очень хорошо, – кивнул Татищев, пряча подписку в ящик стола. – Теперь мы можем поговорить более предметно. Откровенно говоря, это расследование инициировано не нами, а американцами, израильтянами и новозеландцами. Мы были не в курсе данной ситуации, пока нас не ткнули в нее носом. Долго искали, кто способен в этом разобраться, затем выбрали вас.

– Можно по порядку? – попросил заинтригованный Николай Иванович. – А то я что-то недопонимаю.

– Можно. Три месяца назад генеральная прокуратура получила обращение прокуратуры американского города Далласа с просьбой расследовать происходящее в школе номер двадцать семь города Санкт-Петербурга. Причем, что под этим подразумевалось, тогда было неясно – американцы слова лишнего не сказали. По прошествии недели аналогичные просьбы мы получили также от полицейских управлений Иерусалима и Веллингтона, то есть Израиля и Новой Зеландии. Игнорировать их мы не имели права, лично президент вмешался, поэтому отправили в школу номер двадцать семь опытного юриста. Ничего необычного он там не обнаружил – школа как школа, дети как дети. Второй инспектор тоже ничего не нашел. Однако поведение инспекторов после посещения школы несколько отличалось от обычного, поэтому их заставили пройти тщательное медицинское обследование. Вывод психологов оказался довольно-таки странен – инспектора очень смутно помнят происходившее в школе, словно кто-то избирательно стер им несколько участков памяти, что сразу дало нам понять – обеспокоенность зарубежных коллег не беспочвенна. В этой школе действительно происходит что-то очень странное. Причем, то же самое творится в нескольких школах Далласа, Иерусалима и Веллингтона.

– Очень интересно... – протянул прокурор. – Но выяснить, что именно происходит, так и не смогли?

– К сожалению, нет, – развел руками Татищев. – Есть только информация о неких странных детях. Все проверяющие в один голос почему-то называли их «ясноглазыми». Почему – не имею понятия.

– Постараюсь выяснить. Если, конечно, со мной не случится то же, что и с остальными.

– Надеюсь, что нет. Риск, конечно, есть, но небольшой – вред здоровью инспекторов не нанесен, они всего лишь плохо помнят кое-какие события. Беретесь?

– Берусь! – решительно заявил Николай Иванович, сам не понимая причин своей заинтересованности.

А его действительно заинтересовало рассказанное Татищевым. Особенно удивило отношение американцев и израильтян – почему они настолько обеспокоены? Что за «ясноглазые» дети? Кто и как стер память инспекторам? Он подсознательно ощущал, что за всем этим стоит что-то очень большое, и считал себя обязанным выяснить, что именно. Что-то во всей этой ситуации было *сильно* не то, не так, неправильно. И еще один вопрос тревожил Николая Ивановича: почему для подобного расследования выбрали его, ведь он никогда звезд с неба не хватал, обычный работник прокуратуры, тем более, работающий в относительно небольшом и ничего не решающем отделе по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних. Да, это дело касается детей, но неужто в Москве не нашлось специалиста? Зачем понадобилось вызывать питерского прокурора?

– Очень хорошо, – наклонил голову Татищев. – Раз вы согласны, то это предназначено для вас.

Он открыл ящик стола и выложил на стол иностранный паспорт и кредитную карту Visa Gold.

– Для меня? – удивился Николай Иванович. – Объясните.

– Это ваш новый иностранный паспорт, – равнодушно сообщил советник юстиции.

– Но у меня уже есть... – растерялся прокурор.

– Это дипломатический паспорт с въездными визами США, Израиля, Евросоюза, Саудовской Аравии и Новой Зеландии. Вам придется постоянно курсировать между этими странами, инициатор расследования, мистер Джереми Халед, хочет видеть вас в Далласе не позже, чем через неделю. Туда же и в то же время прибудут представители Израиля и Новой Зеландии для координации действий. Насколько мне известно, вы свободно владеете английским, поэтому затруднений в общении быть не должно.

– Э-э-э... – растерянно протянул никак не ожидавший такого Николай Иванович. – А на какие, простите, шиши мне ехать в Америку?..

– На карточке шестьсот тысяч долларов, – как-то странно усмехнулся Татищев. – Из них отчет с вас потребуют только за половину суммы, остальные средства на непредвиденные расходы, за них можете не отчитываться. Но, думаю, вы сами понимаете, что бросать деньги на ветер не стоит – это обязательно станет известно. Учтите, что кроме вас воспользоваться этой карточкой не сможет никто, она срабатывает только после того, как вы возьмете ее в руки – настроена на ваши отпечатки пальцев.

Николай Иванович молча хватал ртом воздух, не понимая, что вообще происходит. Если предыдущее еще было возможно, то это невозможно в принципе! Шестьсот тысяч долларов?! И за половину суммы не нужно отчитываться?! Так просто не бывает! Если только расследование не затрагивает интересы очень влиятельных и богатых людей. Похоже, он сдуру ввязался в какую-то очень грязную игру. И пути назад нет, он уже слишком много знает.

– Вы не договариваете, – взял себя в руки прокурор. – Прошу, если уж я занялся этим расследованием, говорить откровенно. Я ведь не идиот и понимаю, что такие деньги и на таких условиях на расследование не выделяются.

– Это не наши деньги, – едва заметно скривился Татищев. – Американские. И ваше участие в расследовании – тоже инициатива американцев. Мы бы предпочли видеть на этом месте более опытного человека, но это не от нас зависит.

– Вот даже как?.. – растерялся Николай Иванович. – Но откуда американцы могут меня знать? Я никогда с ними не работал!

– Понятия не имею, – пожал плечами советник юстиции. – Да, вот еще кое-что. – Он выложил на стол очень тонкий мобильник-раскладушку. – Это аппарат спецсвязи. В память заложены номера всех необходимых правительственных структур, вплоть до приемной президента. В случае необходимости вас свяжут с ним или с премьером в течение пятнадцати минут в любое время дня и ночи.

Прокурор помотал головой – ситуация вышла на грань безумия. Такого не могло быть потому, что не могло быть никогда. Однако было. И это заставляло нервно ёжиться.

– Также вы имеете право вызвать силовую поддержку. Соответствующие приказания спецотряду «Коршун» отданы. Если потребуется, у них есть разрешение без предупреждения стрелять на поражение. Естественно, если вы распорядитесь, при этом ответственность будет лежать на вас. Для повышения мобильности вам, помимо прочего, выделена «Нива» с водителем. Выглядящая как обычная, хотя на самом деле это бронированная спецмашина. Но вызывайте ее лишь в самом крайнем случае и в ночное время, так как это может привлечь к вам лишнее внимание, что нежелательно. В списке контактов есть телефон водителя.

Происходящее нравилось Николаю Ивановичу с каждым мгновением все меньше. Да что, черт возьми, здесь творится?! Это же какой то театр абсурда! Во что он ввязался?! Явно во что-то очень и очень странное. Особенно настораживало внимание к его персоне американцев. Кто такой Джереми Халед? Откуда он вообще знает о существовании некоего Николая Ивановича Солнцева? У всего этого должна быть причина, и очень уважительная. И ведь не откажешься. После всего, сказанного Татищевым, уже не откажешься. Это ясно, как божий день.

– И последнее, – продолжил хозяин кабинета, выложив на стол пистолет в кобуре для скрытого ношения. – Прошу всегда носить с собой оружие. Вот эта карточка – разрешение. Международное, действительное во всех странах, где вам придется бывать.

Николай Иванович снова едва удержался, чтобы не помотать головой. Он о подобных разрешениях и не слышал.

– Что, и в самолет с собой можно брать? – недоверчиво спросил он, помня о введенных недавно драконовских мерах по безопасности полетов.

– Можно, – подтвердил Татищев. – Вы вообще не будете подвергаться досмотру в аэропортах. У вас дипломатический паспорт, причем особого рода.

Прокурор взял пистолет и покрутил его в руках. Кажется, «Глок», но какой-то необычный. Надо будет проконсультироваться кое с кем, что это за модель и каковы ее особенности.

– Когда вы возвращаетесь в Петербург?

– Завтра в десять утра, на «Сапсане».

– Поменяйте билет на шестичасовой поезд, чтобы сразу по приезду заняться делом, – посоветовал Татищев. – Да, вы можете привлекать к расследованию любых нужных вам специалистов. Только прошу сообщать каждому не более необходимого для работы минимума. Общую картину должны знать только вы. Привлекать человека можно лишь после того, как его проверит спецотдел ФСБ. В вашем телефоне есть номер полковника Флоринцева. Сообщите ему о выбранной кандидатуре, в течение нескольких часов вам дадут отчет по ней.

– Насколько я понимаю, – прищурился Николай Иванович, – все разговоры по этому телефону пишутся?

– А вы как думали, – насмешливо усмехнулся хозяин кабинета. – Конечно. Прошу также никому не давать его, он опять же настроен на ваши отпечатки пальцев. В чужих руках просто не будет работать, а если его попробуют взломать – самоуничтожится. Телефон спутниковый, звонить и принимать звонки можно из любой точки мира. Перехватить и расшифровать сигнал практически невозможно.

О таких аппаратах прокурор тоже ни разу не слышал. Видимо, специально разработан для спецслужб. Он раскрыл телефон и удивленно покачал головой. На вид простенький, без каких-

либо наворотов, потертый – его даже воровать не захотят. Выглядит дешевой штамповкой. Скорее всего для того, чтобы не привлекать внимания.

– Чуть не забыл, – сказал Татищев после недолгого молчания, сверля собеседника внимательным настороженным взглядом. Николай Иванович внутренне усмехнулся: как же, забыл! Такие, как этот, никогда и ничего не забывают. – Послезавтра утром к вам под видом электрика придет специалист по безопасности и установит защиту от подслушивания в вашей квартире. На всякий случай. Все равно, советую дома разговоров по делу не вести. Ваш рабочий кабинет уже защищен. Там можете обсуждать все необходимое свободно.

– Это все? – хмуро поинтересовался Николай Иванович, которому было сильно не по себе.

– Пока – да. Если что-то изменится, вам тут же сообщат тем или иным образом. Можете быть свободны.

Сообщат? О да, могут и сообщить, а могут – и пулю в голову. Прокурор очень сомневался, что выберется из всего этого живым. Но одновременно, как ни странно, испытывал некий злой азарт, желание понять, что же здесь все-таки происходит, в чем тут дело. Слишком необычным был состоявшийся разговор. Слишком много возможностей ему дали. А за все это ведь придется отвечать...

Николай Иванович неловко поднялся, надел кобуру с пистолетом, затем рассовал по карманам плаща мобильник, разрешение, паспорт и кредитку. Некоторое время он постоял, глядя на Татищева, которому, судя по его виду, происходящее тоже не нравилось, после чего попрощался и вышел.

* * *

*Господа, я – последняя сволочь.
Позвольте представиться.
Я – убийца, садист, сексуальный
маньяк и предатель.
Я – последняя мразь, не с того,
что других не осталось.
Их пока что хватает,
чтоб было в кого плевать вам.*

Мартиэль

Светловолосый человек среднего возраста, заложив руки за спину, прохаживался мимо огромного панорамного окна во всю стену. Он был одет в ничем не примечательный, нарочито скромный костюм, но эта нарочитая скромность так и кричала о непомерной цене. Его внешность являла собой пример непримечательности, никто, столкнувшись с ним в толпе, не обратил бы на этого человека внимания. Если, конечно, не заглянул бы ему в глаза. Стылый, безразличный взгляд серо-стальных глаз мистера Халеда любого заставил бы вздрогнуть, поэтому он предпочитал носить темные очки. Вся его внешность была тщательно продуманным маскарадом.

– Итак, я жду ваших выводов, Стивен, – негромко сказал Халед, поворачиваясь к посетителю, до сих пор молчавшему.

Тот выглядел типичным ирландцем: рыжий, веснушчатый, жизнерадостный, порывистый. Вот только глаза у него тоже были змеиными. Да и пластика движений сильно отличалась от пластики простодушного ирландца, маску которого он обычно носил. Причем носил настолько хорошо, что не знающие Стивена Стормана люди верили ему, попадаясь на крючок и сами не понимая этого. В АНБ он заслуженно считался лучшим штатным психологом и специалистом по нейро-лингвистическому программированию.

– Я не знаю, что сказать, Джереми. – Красивый поставленный баритон Стормана автоматически вызывал доверие. Но, конечно же, не у Халеда, который знал этого человека от и до. – Выводы слишком парадоксальны. Да, черт возьми, они просто невозможны!

– А что в ситуации с этими проклятыми «ясноглазыми» вообще возможно?!

– Мало что. Ладно, начну. И первым делом хочу признаться в том, что меня эти дети просто пугают. Не знаю, можно ли назвать их людьми. Они абсолютно асоциальны и в принципе не поддаются никакой социализации.

– Поясните, – ступил вперед Халед.

– Попытаюсь, – вскинул на него пустые глаза Сторман. – Они отказываются играть в командные игры, отказываются подчиняться, если им логически не объяснить, почему это нужно. Причем солгать им невозможно – они каким-то образом чувствуют ложь. Темы их разговоров между собой совершенно не соответствуют их возрасту – возникает ощущение, что беседуют какие-то высоколобые умники, а не двенадцатилетние дети.

– И что все это значит с вашей точки зрения? – хмуро спросил Халед.

– А то, что эти дети – смертельная угроза для нашего общества. Их, насколько мне известно, становится все больше. Это пандемия. И знаете, что пугает больше всего? «Ясноглазые» полностью отказались от конкуренции, как таковой, они просто не понимают, что это такое и для чего нужно. При этом обычные дети шарахаются от них и не могут объяснить почему. Даже самый отвязанный наркоман не рискует подойти ни к одному из «ясноглазых» – мы проводили эксперименты. Ничего! В ужасе бросаются прочь, что-то невнятно верещат. О чем речь, белые дети спокойно гуляют по черным районам, и никто их не трогает!

– Даже так?

– Именно так! Еще одна крайне важная деталь. Они общаются только между собой, не обращая внимания на то, из каких они семей. Сын миллионера на равных держится с нищим черномазым или латиносом, игнорируя детей своего круга, если те не «ясноглазые».

– А почему их вообще называли «ясноглазыми»? – поинтересовался Халед.

– Да из-за их жутких глаз! – буквально выплюнул Сторман. – Их глаза – это смерть! Концентрированный ужас! Сперва кажутся очень чистыми и прозрачными, но затем начинаешь ощущать, как тебя изнутри что-то разъедает, словно кислотой. И чем дальше они на тебя смотрят, тем это ощущение сильнее. По прошествии десяти минут общения с ними у меня возникает желание без оглядки бежать прочь.

– Да... – Халед подошел к столу и взял с него какую-то бумагу. – Это результаты тестирования «ясноглазых» в Израиле и Новой Зеландии. Прислали сегодня утром. Израильтяне и новозеландцы напуганы так же, как и вы. От русских отчета я пока не получил, но, думаю, скоро получу. Скорее всего, он будет аналогичным.

Немного помолчав, он спросил:

– Возможно, их можно перевоспитать вашими «особыми» методами?

– Думаете, я не пробовал? – криво усмехнулся психолог. – Причем не только сам, вызвал группу коллег из Вашингтона. Этот проклятый мальчишка стоял и насмешливо улыбался, взирая на наши потуги. Потом молча развернулся и ушел. От его взгляда я едва штаны не испачкал. Теперь намерен сам пройти тесты на компетентность. Вдруг он меня запрограммировал?

– Вы считаете это возможным? – насторожился Халед.

– С «ясноглазыми» все возможно, – мрачно бросил Сторман. – Я не в состоянии просчитать ни одну их реакцию. Они реагируют не по-человечески.

– Мне это известно. Ваша задача как раз и состоит в том, чтобы определить их реакции на различные раздражители.

– Как?! Они каждый раз реагируют на одно и то же иначе! Они непредсказуемы!

– Не верю! – отрезал Халед. – Все предсказуемы, они тоже. Нужно просто найти алгоритм. Вы, я вижу, не справляетесь? Может, поручить это кому-то другому?

– Поручите, я буду только рад избавиться от этой головной боли, – устало махнул рукой психолог.

«Его реакции настораживают, – удивленно подумал Халед. – Я не знаю более честолоубивого человека. На него это не похоже... Неужели ему плевать на карьеру?..»

– Лучше я пройду переаттестацию и отдохну, – судя по насмешке в глазах психолога, тот отлично понял, о чем думал собеседник. – Так у меня больше шансов сохранить за собой свое место, не став при этом пациентом сумасшедшего дома.

– Я не могу пока снять вас с этого задания, – возразил Халед. – Новому человеку пришлось бы долго входить в курс дела, а вы уже все знаете. Однако я попрошу еще одного психолога. Кого бы вы посоветовали?

– Доктор Николас Раштин. Считаю его наиболее подходящим для этого дела.

Халед кивнул и записал названное имя в наладонник. А Сторман мысленно усмехнулся – удалось сделать гадость старому конкуренту. Пусть он мучается с этими «ясноглазыми» и сходит с ума. И конкурент выйдет из строя, и свой рассудок сберечь удастся. А психолог уже дней десять ощущал, что с ним не все в порядке. Точнее, именно с его рассудком. Словно какой-то механизм внутри сломался, и пошла цепная реакция дальнейших поломок.

Сторман попрощался и вышел. А Халед снова принялся расхаживать по помещению, вспоминая, с чего все это началось. Да, всего лишь с одного мальчишки, Джека Полански, сына миллиардера. Учителя отметили, что у ребенка внезапно полностью изменилось поведение. Он перестал интересоваться учебой, компьютерными играми, футболом, которым до того фанатично увлекался, даже со сверстниками больше не общался. А те почему-то стали обходить Джека стороной, не решаясь сказать ему и слова. Мальчишка все чаще сбегал с уроков, его находили на пруду, где он запускал бумажные кораблики.

Однажды пришедший за Джеком учитель физики обратил внимание, что бумажный кораблик ведет себя так, словно у него есть двигатель. Выполняет сложные эволюции, выплывает на воде восьмерки, и прочее в том же духе. Тогда у него и возникло подозрение, что у мальчика пробудились экстрасенсорные способности. И учитель не нашел ничего лучшего, кроме как написать об этом случае своему старому приятелю, служащему в АНБ, не подозревая, насколько сильна эта контора и насколько разносторонни ее интересы. Приятель же передал письмо Халеду, давно занимающемуся поиском реальных экстрасенсов. И тот срочно вылетел в Даллас.

Первым, что насторожило аэнбешника, был взгляд Джека. Очень ясный и пронизывающий, словно он видел человека насквозь. Мальчишка плевать хотел на внимание к себе, продолжая заниматься своими делами. Халед не раз наблюдал за его играми с бумажными корабликами и быстро понял, что Джек управляет ими мысленно. Потом, уже в лаборатории, выяснили, что на самом деле он управлял ветром, заставляя его дуть в нужном направлении.

Решившись поговорить с отцом мальчика, Халед был приятно удивлен пониманием мистера Полански. Как выяснилось, Джек давно вызывал у того настороженность своим поведением. Да о чем речь? Он просто вызывал страх, казался абсолютно чуждым и самому Полански, и его второй жене. А сводные братья убегали от Джека, только завидев его, и устраивали истерики, лишь бы не оставаться в одном с ним помещении. Узнав о том, что его старший сын – экстрасенс, мистер Полански охотно передал опеку над ним спецлаборатории АНБ, сказав, что в их семье экстрасенсов не было и не будет, должно быть, его первая жена ходила на сторону, и Джек – не его сын.

Как ни странно, мальчик не стал спорить и как-либо проявлять недовольство. Он пожал плечами, собрался и уехал вместе с сотрудником АНБ в пустыню Мохов, где располагался подземный исследовательский комплекс. Там он позволял аэнбешникам делать с собой все, а в свободное время медитировал. Точнее, ученые называли его времяпрепровождение медитацией, не зная, как назвать иначе. Именно во время «медитаций» приборы фиксировали совер-

шенно невероятные вещи, причем разные – бумаги сами собой летали по комнате, компьютеры включались и выключались, резко возрастала и падала до нуля напряженность магнитного поля. И еще многое другое. Казалось, в действиях Джека был какой-то странный смысл, но ученые никак не могли его уловить, а он что-либо объяснять отказывался.

По прошествии полугода из Далласа пришло новое письмо от учителя физики из школы, где раньше учился Джек. Он сообщил, что еще несколько детей стали вести себя подобным образом, общаясь при этом только друг с другом. Халед снова отправился в Даллас. Учитель оказался прав – ясные взгляды трех мальчиков и трех девочек нельзя было спутать ни с чем. Они смотрели как бы сквозь координатора, присутствовавшего на уроке. Так смотрел на всех окружающих Джек. Когда прозвенел звонок, шестеро детей молча вышли во двор и обняли со всех сторон старый тополь, задрав головы к небу. Очень странное поведение. Другие дети сторонились их, а на вопрос «почему» отвечали, что эти – «больные». А одна девочка добавила: «И страшные...».

Буквально на глазах Халеда в школе появились еще несколько ясноглазых. Один пример запомнился ему больше всех. Вихрастый черноволосый хулиганистый мальчишка, сын мэра города, перебрасывался мячом с приятелями. Он поймал брошенный ему мяч и вдруг замер на месте, пошатнувшись, словно на него упало что-то тяжелое. Затем спокойно посмотрел на мяч в своих руках и отбросил его, как что-то ненужное. Обвел ясным взглядом окружающее пространство – Халеда от этого взгляда передернуло – и отошел к группе других ясноглазых, молча стоявших кружком в сторонке. В этот день Халед напился. Он пил, пока рассудок не отключился, надеясь сгладить тягостное впечатление, но ничего не вышло.

После этого ясноглазые начали появляться один за другим. Еще вчера обычный ребенок внезапно становился загадочным существом. Нескольких ясноглазых обнаружили также в других школах Далласа, на сей раз – школах для бедных, где почти ничему не учили. Они очень быстро нашли друг друга невзирая на принадлежность к разным социальным слоям.

После докладной Халеда руководству АНБ, организация встревожилась, поскольку ситуация на глазах выходила из-под контроля. Были обследованы все до единой школы США и Канады, но, к счастью, ясноглазых там не было. Однако вскоре стало известно, что в одной из детских йешив¹ Иерусалима происходит нечто непонятное. Халед в тот же день вылетел в Израиль. Как только он увидел пронзительно ясные глаза маленьких евреев, то сразу понял, в чем дело. Ясноглазые, будь они прокляты! И здесь они!

Халеду удалось заразить своей тревогой кое-кого из руководства Моссада и Шабак, поэтому израильтяне быстро сформировали следственную группу, подчинив ее американцам. Однако расследование там шло ни шатко, ни валко, до израильских следователей почему-то не доходило, что ясноглазые крайне опасны, что это уже не человеческие дети, а нечто другое.

По прошествии еще трех месяцев группы ясноглазых были обнаружены еще в двух странах – Новой Зеландии и России. В Новой Зеландии удалось инициировать расследование быстро – там к мнению Вашингтона прислушивались. К сожалению, Халед не имел достаточного числа компетентных людей в своем отделе, поэтому пришлось отдать расследование на откуп местным спецслужбам, в чьем профессионализме он сильно сомневался.

С Россией все оказалось значительно сложнее. Никто из русских чиновников не хотел ни за что отвечать, поэтому ничего и не делал. Пришлось выходить на уровень президентской администрации, чтобы дело сдвинулось с места. Однако русские ограничились посылкой в школу, где учились ясноглазые, двух инспекторов, которым те просто подтерли память – Халед уже знал, что ясноглазые на это вполне способны.

Он как раз сочинял докладную на имя директора АНБ с просьбой воздействовать на русских, когда один из агентов, внедренных в далласскую школу под видом учителя, принес

¹ Йешива – еврейское религиозное учебное заведение. Они бывают как для взрослых, так и для детей.

крайне интересную информацию. Ясноглазые долго обсуждали между собой некоего русского по имени Николас Солнцефф. Причем говорили, что он почти готов, что ему остался один шаг до понимания, и неплохо бы помочь ему этот шаг сделать. Заинтересовавшись этим человеком, Халед приказал собрать о нем информацию и был крайне удивлен, узнав, что Солнцефф служит в прокуратуре Санкт-Петербурга. Еще через некоторое время удалось выяснить, что русский прокурор в прошлом являлся неформалом и, скорее всего, остался им до сих пор, только тщательно это скрывает. Данный факт натолкнул Халеда на догадку. До сих пор никому не приходило в голову подвести к ясноглазым неформала и посмотреть на их реакцию. Была разработана операция по вводу в расследование Солнцева. Через неделю он должен прибыть в Даллас, и Халед ждал его с нетерпением.

* * *

*За жажду сделать мир чуть-чуть счастливым -
Жизнь в нищете и нищая могила...
Здесь сильный быть не может справедливым,
А справедливый не добьется силы.*

Мистардэн

Оказавшись на улице, прокурор медленно побрел к метро, размышляя о случившемся. Ничего подобного он не ожидал и ожидать не мог. Видимо, произошло что-то очень серьезное, иначе власть имущие не обеспокоились бы так. Но чем их могли обеспокоить дети? «Ясноглазые»? Что, интересно, под этим подразумевается? Черт, рано пока рассуждать, он ничего еще не знает. А значит, не стоит преумножать сущностей. Старая добрая «Бритва Оккама²» подвела его редко.

Усилив волю заставив себя отвлечься от случившегося, Николай Иванович достал было свою старенькую «Моторолу», чтобы позвонить приятелю, к которому намеревался сегодня завалиться в гости, но вспомнил, что тот не встает раньше двух дня, и спрятал телефон. Часа четыре еще придется где-то бродить. В кафе каком-то посидеть, что ли? Он достал кошелек и пересчитал свои скудные средства. Немногим больше пяти тысяч. Ну что ж, тысчонку можно и потратить.

На глаза попалась вывеска железнодорожных и авиакасс, и Николай Иванович вспомнил, что Татищев потребовал поменять билет на более раннее время. Сдав старый билет, он купил новый на шестичасовой поезд. Чтобы успеть вовремя на Ленинградский вокзал, придется вставать часа в четыре. Похоже, лучше вообще не ложиться, впрочем, с Баффой это не проблема. Скорее всего, до утра и просидят на кухне за пивом или чем покрепче.

Немного подумав, Николай Иванович решил просто погулять по старой Москве. По дороге какое-нибудь приятное кафе и попадется, уж этого добра в столице хватает. Он не спеша двинулся по улицам куда глаза глядят, всматриваясь в лица встречаемых людей. Почти все они были озабочены чем-то своим, куда-то спешили, и мало кто улыбался. Что ж, нынешняя жизнь не располагает к улыбкам, все силы приходится отдавать ради выживания, ни на что другое их уже не хватает. Осталась только ностальгия по прежним временам. Николай Иванович видел ее в старых разлапистых деревьях, которых еще сохранились, видел в глухих переулках и немногих еще оставшихся человеческими лицами. На лица других смотреть не хотелось.

Николай Иванович вздохнул – ему слишком надоели эти тараканы бега. Потому и не участвовал, довольствуясь тем, что имел, и не стремился получить больше, в отличие от кол-

² **Бритва Оккама** – методологический принцип, созданный средневековым монахом Уильямом Оккамом. В упрощенном варианте звучит как: «Не следует множить сущее без необходимости». Иначе говоря – это принцип достаточного основания. Или: «То, что можно объяснить посредством меньшего, не следует выражать посредством большего».

лег. Тем более, что был не женат – жена ушла от него почти десять лет назад, заявив, что не желает иметь ничего общего с неудачником. Благо, хоть детей не было. С тех пор Николай Иванович изредка встречался с женщинами из «своих», предпочитая держаться от остальных на некоторой дистанции, они ему были просто неинтересны, какими бы красивыми ни являлись. Со своими, по крайней мере, находились общие темы для разговора, многое понималось с полуслова, а то и с полувзгляда. Обсуждать же с кем-либо, что сколько стоит и где раздобыть еще денег, прокурор не хотел – испытывал к подобным темам брезгливость. Поэтому на работе его считали мизантропом.

Время незаметно текло, улица сменялась улицей, пока Николай Иванович не заметил на висящих вдалеке уличных часах, что уже полтретьего. Надо же, задумался. Можно уже звонить Баффе. Зато ехать еще рано, да и пообедать сначала не помешает – живот уже подвело. А у Баффы, как всегда, в холодильнике мышь повесилась.

Обнаружив неподалеку небольшое кафе, Николай Иванович с аппетитом пообедал. Довольно недорого, поскольку спиртного брать не стал. Пить сегодня еще придется немало. Затем нашел ближайшую станцию метро и отправился в Ясенево, предварительно позвонив Баффе и сообщив, что едет. Тот в ответ что-то пробурчал сонным голосом и отключился. Кажется, «угу». Понятно, старый приятель с бодуна. Значит, по дороге придется затариться пивом, да и закуски взять не помешает.

Выйдя из метро, прокурор нашел ближайший магазин, помня, что возле дома Баффы магазинов нет, только ларьки. Пиво-то в них взять можно, а вот из еды только чипсы. Купив все нужное, он не спеша двинулся по Тарусской улице. Пройти было нужно всего четыре квартала, поэтому лезть в переполненную маршрутку смысла не имело.

Не прошло и четверти часа, как он уже звонил в дверь четырнадцатой квартиры дома Баффы. Ее гостю открыли не сразу, а только через несколько минут. В проеме нарисовался почти двухметровый лысый громила с длинной бородой, заплетенной в косу. Он окинул Николая Ивановича взглядом красных похмельных глаз и пробубльнул:

– Чего надо?..

– Баффа, совсем охренел? Своих не узнаешь? – удивился прокурор. – Тебе тут пиво принесли, а ты рычишь?

– Назгу-у-л!!! – радостно взревел громила. – Старая скотина! Чо встал, как чужой? Давай, заваливай быстрей!

Он шагнул вперед и обнял Николая Ивановича так, что у того затрещали ребра.

– Да отпусти ты, медведь чертов! – задушенно выдохнул прокурор. – Как был Большим Бабахом, так им и остался!

– Да ладно тебе, – хохотнул Баффа. – Заходи. Страшно рад тебя видеть.

Он отпустил гостя и отступил внутрь. Николай Иванович зашел – впрочем, какой там Николай Иванович! Здесь он был Назгулом Питерским, старым ролевиком и металлистом. Здесь можно было позволить себе быть самим собой, не притворяясь тем, кем не являлся.

Назгул с интересом оглянулся. В квартире Большого Бабаха, он же – Хоббит Баффа, за прошедший с последней встречи год ничего не изменилось. Только обои стали еще более ободранными. Пол покрывал толстый слой пыли – Баффа убирал в квартире, только если на него находило, а находило на него редко. Из приоткрытых дверей единственной комнаты доносился рев металла. Кажется, последний концерт «Эпидемии».

– Сделай тише, – буркнул Назгул, снимая плащ и вешая его на один из свободных крючков полуразвалившейся старой вешалки. – Я с тобой поговорить хочу, а музыку и дома послушать можно.

– Ща! – отозвался Баффа, скрываясь в комнате. Металл стих.

Затем хозяин квартиры снова появился в коридоре, окинул гостя недоуменным взглядом и поинтересовался:

– Ты чо под цивила³ закосил, что ли? И пушка с собой...

– Так я в Москву по работе приехал, – развел руками Назгул. – А я, если не забыл, в прокуратуре обитаю. Приходится соответствовать.

– Сочувствую, – покивал Баффа. – Я б так не смог. Как ты эту удавку терпишь? – он показал на галстук. – Срывай петлю Линча, падай!

Гость рассмеялся и действительно снял пиджак с галстуком, оставшись в рубашке, да и ту наполовину расстегнул. Однако пистолет оставлять не стал, перестегнув кобуру под мышку. Затем подхватил пакет с пивом и продуктами, и уверенно двинулся на кухню. Ага, Баффа в своем репертуаре – стол оказался завален грязной посудой. Пришлось для начала сгрузить ее в мойку, а только после этого выставить пиво и положить на пакет нарезанную колбасу.

– Спаситель ты мой! – радостно прогудел Баффа. Схватил банку пива, открыл и двумя глотками высосал. – А то я с такого бодуна...

– Да уж вижу, – весело хмыкнул Назгул, садясь на скрипучую табуретку и тоже взяв себе пиво. – Что, опять без работы?

– Опять... Обещали вот место в охране, да вряд ли дадут. Наверно, снова придется грузчиком в магазин.

– Вот же рас...дяище! – укоризненно покачал головой гость. – Небось, нажрался и на работу не пошел?

– Угу... – виновато кивнул Баффа. – Ну ты ж меня знаешь...

– Да уж знаю... – вздохнул Назгул. – Жил бы ты в Питере, пристроил бы в один гараж байки ремонтировать. Там такие же, как ты, собрались.

– Это рулез! – оживился старый байкер. – Это по мне. Только мне в том Питере вписки уже нет, время другое. А тебе на хвост падать не в тему.

Он открыл еще одну банку и с наслаждением глотнул пива. Назгул смотрел на него и вспоминал первую встречу. Это в каком же году было? В девяносто первом или девяносто втором? Во втором. Точно во втором. На тусовке у Михася, когда «Перекресток» оговаривали. Тогда из Питера целая толпа на игру заехала. Едва ввалившись на вписку, совсем молодой тогда еще Назгул сразу обратил внимание на сидящего на полу огромного лысого парня в дра-ных шортах, с очень волосатыми ногами. Тот так и представился – Хоббит Баффа. В ответ на удивление Назгула по поводу хоббита таких размеров, он резонно заметил, что ноги-то волосатые, так что с происхождением все в порядке. С этой встречи они и подружились. Затем не раз встречались на разных играх, пока старая ролевая тусовка не разбрелась в разные стороны к концу девяностых. Новая их уже не привлекала, в ней не стало прежней искренности, появилась какая-то фальшь. Как пелось в «Мастерском романсе» Ники Батхен – скопище младших детей поколения, уже не понимающих, зачем и почему они здесь. Однако Назгул с Баффой продолжали по возможности бывать друг у друга в гостях, встречаться на тусовках и концертах – оба до самозабвения обожали русский металл. Западный у них почему-то такого восторга не вызывал.

– Назгулище, мать твою, как же я рад тебя, гада, видеть! – Баффа от всей души хлопнул своей лапищей друга по плечу, отчего тот едва не выронил банку с пивом. – Как же я по тебе соскучился!

– Я по тебе, думаешь, нет? – улыбнулся гость.

– Кстати, мы с тобой сегодня идем на концерт – «Эпитафия» новый альбом исполняет. Я две проходки достал.

– Здорово, – обрадовался Назгул. – Давно вживую металла не слушал, с полгода уже.

³ Цивилы – так старые ролевики называют людей, интересующихся только обычной жизнью, не способных заглянуть за горизонт.

– Ты там, смотрю, в своем Питере уже мхом зарос, – укоризненно покачал головой Баффа. – У вас же там металл-групп хватает.

– На работе сильно выматываюсь. Последнее время совсем дышать некогда. А теперь еще хуже будет.

– А чо?

– Еще работы навалили, – спохватился Николай Иванович, поняв, что ляпнул лишнего, и отставив Назгула в сторону.

– А, ясно, – сочувственно покивал Баффа. – Знаешь, не врубаюсь, как ты среди этих цивилизованных можешь жить... У меня не получается. Терплю, терплю, терплю, а потом все равно срываюсь и вылетаю с работы. У меня часто возникает ощущение, что мы и они – разные биологические виды.

– Вполне возможно, – помрачнел прокурор, отхлебнув пива. – Может, биологически и не разные, но морально-этически – точно. Даже самые лучшие, самые добрые из них не способны понять никого из нас. Мы их – способны. Они нас – нет. Для них мы просто сумасшедшие. А мы просто другие. И ничего тут не поделаешь.

– А то! – горько усмехнулся старый байкер. – Сумевших встроиться в их систему наших, таких, как ты, очень мало, да практически, я только тебя одного и знаю. Большей частью мы просто выживаем, стараясь не отсвечивать. Читал недавно опус одного американского социолога, в котором неформалы названы опасным вирусом, подлежащим обязательному уничтожению, если человечество хочет сохранить себя в привычном виде.

– Слышал об этом опусе, но сам не читал, – Назгул задумчиво постучал пальцами по столу. – Наше счастье, что он не слишком популярен. Пока у нас получается жить параллельно с ними, но, боюсь, это ненадолго. наших постепенно перестают брать на работу, лишая любой возможности заработать на кусок хлеба. И очень многие сдаются, не выдерживая давления общества, сами становятся цивилистами, вот только душа у них после этого умирает. Помнишь Лайра и Эрмина?

– Помню.

– Недавно случайно столкнулся с ними. Работают программистами, женились на цивилизованных, дети. На первый взгляд все у них хорошо. Только глаза мертвые. Попробовал я с ними поговорить о чем-то большем, чем окружающая реальность, и они тут же поспешили распрощаться, спрятав взгляд и пробурчав, что заняты, и вообще, вся эта хрень их давно не интересует. Девчонок, Лириай с Элайной, ты не знал. Они сейчас иногда появляются на тусовках и с такой тоской смотрят на сумевших остаться собой и плюющих на все условности мира цивилизованных, что больно становится. Они не сумели. Жизнь задавила. Ну а про то, сколько из наших спилось или сколосось, не будучи в силах выносить окружающую гнусность, не мне тебе рассказывать.

– Это точно, – понурился Баффа. – С Симарглом был знаком? Вроде, да. Неделю назад похоронили. Заполз в свою халупу, закрылся и не вышел. Врачи после вскрытия сказали – сердце. У Доффина месяца три назад передозняк случился. А Колина черные риэлтеры за квартиру убили. Он же алкоголиком был...

– Суки! – зло выдохнул Назгул. – У нас в Питере тоже многие ушли. Жаль, не у всех хватает сил притворяться. Думаешь, мне легко? Пришлось выстроить дополнительную личность и надевать ее, как маску, выходя во внешний мир. Да еще и сознание распараллелить, мыслить каждой отдельно. Но при этом держаться от всех цивилизованных на некоторой дистанции, не подпуская никого из них близко. Не то раскусят. Последствия этого могут быть разными – от потери репутации до увольнения. Вот и приходится притворяться мизантропом. Идти по пути Лайра и Эрмина я не хочу. Меня чуть не вытошнило от их рож и разговоров.

– А от разговоров обычных цивилизованных тебя, что ли, не тошнит? – хмыкнул Баффа.

– Тошнит, – признал Назгул.

– Вот-вот. Знаешь, недавно сосед, неплохой мужик, пригласил меня на пиво и попытался наставить на «путь истинный». Спрашивал, какого рожна мне надо. Говорил, что жениться давно пора, детей завести. Мол, вдова из восемнадцатой квартиры на меня давно поглядывает. Я ему ответил, что такая дура мне не нужна. Слышал я однажды ее разговор с подружками, она же только о тряпках и мыльных операх говорит. Как-то пристала ко мне, да как начала трещать – едва смылся. Сосед удивился – баба бездетная, хозяйственная, зарабатывает хорошо. А дура – так тем лучше. Будет мужику в рот смотреть. Я попытался ему объяснить, что мне нужна подруга, которая меня понимает, и которую понимаю я. Что об стенку горохом. Потом он начал трепаться о том, что главное – это зарабатывать побольше. Тут уж я не выдержал, взял его за грудки и прямо сказал, чего мне надо.

– И что же ты сказал?

– Что нам нужно, чтобы мир был другим, а не таким дерьмом, как сейчас. И ни бог на небе, ни царь на земле нам этого не дадут. И, тем более, этого не дадут деньги.

– И что сосед? – заинтересованно посмотрел на друга Назгул.

– Покрутил пальцем у виска, – хохотнул Баффа. – И постарался побыстрее от меня отвяжаться. Больше на пиво не приглашал.

– Отличная иллюстрация к нашему разговору. Я, конечно, столь откровенно говорить с цивилистами не могу, приходится осторожно выяснять позицию человека, если он чего-то стоит. Есть у меня коллега – очень добрый и хороший человек, великолепный профессионал. Благодаря ему удалось помочь многим людям. Но при этом он искренне уверен, что текущее устройство мира правильно. Есть отдельные недостатки, которые нужно исправлять, но это именно недостатки, не более. В возможность построения доброго и справедливого мира он не верит. Господь, мол, всем воздаст.

– Он-то, конечно, воздаст... Вопрос когда.

– То-то и оно, – горько усмехнулся Назгул. – Но дело совсем не в этом, а в том, что мы здесь чужие.

– Чужие? А может, лишние?

– Нет, просто чужие. Нам дико все, что для них нормально, и наоборот. Не знаю, человеческие ли у нас души. Я в этом не уверен...

– Ну наконец-то! – всплеснул руками Баффа. – Допер! И двадцати лет не прошло! Я тебе об этом твердил еще в середине девяностых, а ты только фыркал и отмахивался.

– Не хотелось в таком себе признаваться. Еще лелеял иллюзии, что мы можем оказаться не чужими. Но время все расставило на свои места. Мы и цивилисты – это две параллельные разумные расы, не способные принять и даже осознать ценности друг друга.

– Ты не прав, дружище. Мы-то их убогие ценности понять способны. Зато принять – нет.

– Но при этом они утверждают, что мы не способны работать, что-то создавать, что мы просто ленивые неудачники.

– Да на все мы способны! Нам просто тошно от того, как они жрут друг друга. От их уверенности, что так и надо. От их самодовольства. От нежелания думать. Мы так не хотим и не можем! И, в отличие от них, понимаем, что можно иначе. Только к этому нужно приложить усилия, которых они прикладывать не хотят, предпочитая продолжать жрать других.

– Не все из цивилистов такие, – возразил Назгул.

– Понятно, не все! – отмахнулся Баффа. – Но даже лучшие из них не понимают, что в мире хищников просто нельзя жить, и принимают его законы и правила. Мы же не принимаем! И не хотим принимать!

– Не не хотим, а не можем. Потому и говорю, что мы здесь чужие. Вот я, как ты знаешь, работаю в прокуратуре. Занимаюсь своим делом, стараюсь оградить детей от всякой сволочи. Но при этом отстраняюсь от всего, что не касается дела. Я не обсуждаю с коллегами никаких нерабочих вопросов, мне это просто неинтересно, мне не о чем с ними говорить. Футбол,

машины и прочая чушь? Спасибо, не надо. Я лучше вечером пойду на какое-нибудь собрание наших и там всласть наговорюсь с теми, кого понимаю. Кто такой же сумасшедший, как я сам.

– Ты уверен, что в твоей конторе не знают, кто ты есть? – скептически посмотрел на друга старый байкер.

– Может, и знают, – пожал плечами прокурор. – Но знаешь, пока они не мешают мне жить, мне до этого дела нет. Скажи мне лучше, почему ты почти все время дома сидишь? Разве мало в Москве наших?

– Хватает, – понурился Баффа. – Но даже возможность сходить на тусовку часто упирается в деньги... Точнее, в их полное отсутствие.

– Ты прав, – со вздохом согласился Назгул. – Мало кому из наших удастся найти свою нишу, позволяющую зарабатывать на жизнь и при этом как можно меньше сталкиваться с цивилистами. Жаль, что ты не изучил системное администрирование. Многие из наших сидят админами, и никто их не трогает. Возможно, я и тебя смог бы пристроить.

– Ну не даются мне компьютеры! – развел руками Баффа. – Не дружу я с ними.

– Да знаю...

– Мне бы в какой группе на барабанах стучать, да вот никак не везет. Последняя группа, в которой играл, распалась, новой найти не могу. Барабанщиков хватает, к тому же куда моложе и талантливей меня.

Баффа немного помолчал, затем спохватился:

– Нам же на концерт пора!

Он встал и скептическим взглядом окинул друга.

– Это ты в таком виде на металл-концерт собираешься? Может, еще удавку свою опять напаялишь? Да и пушка...

– Так нет ничего другого, – вздохнул Назгул. – Может ты чего подкинешь?

– Найдем, – пробурчал Баффа и скрылся в комнате.

Вскоре он вернулся, держа в руках футболку с символикой «Металлики», кожаную бандану и старую истертую косуху.

– Я ж в этой футболке утону, – попытался было отказаться Назгул.

– Не утонешь. Все лучше, чем твой паршивый цивильный прикид.

– Ладно, черт с тобой. Как поедem?

– На байке, как же еще?

Назгул скривился – он терпеть не мог ездить на мотоцикле с этим безумным каскадером. Впрочем, мало кто вообще рисковал садиться позади Баффы – слишком сильные ощущения. Но, как ни странно, он не разу не бился, выпутываясь из таких дорожных ситуаций, из которых, казалось бы, выпутаться невозможно.

Натянув футболку, Назгул полюбовался на себя в зеркало и скептически хмыкнул. Зрелище еще то. Бандана с черепом, цивильные наглаженные брюки и начищенные до блеска туфли, а сверху – футболка металлиста. Впрочем, плевать, сойдет. Пистолет пришлось оставить, спрятав его в портфель, а сам портфель засунув под старые тряпки в спальне.

Они спустились вниз. Мотоцикл, лично собранный Баффой лет пять назад из запчастей, раздобытых правдами и неправдами, дожидался в гараже через дорогу, где располагался небольшой гаражный кооператив. Не прошло и десяти минут, как байк сорвался с места, вклинился между машинами и понесся по проспекту. Назгул подставил лицо встречному ветру, приоткрыв стекло шлема, и рассмеялся. Завтра его ждало возвращение в цивильный мир и новое дело, но это завтра. А сегодня он собирался оторваться по полной.

Глава 2

*...Но смех за спиною у нас -
так чужих и немилых везде,-
Совсем небольшая цена
за целительный хмель для сердец,
За сказки для взрослых детей,
за возможность шагнуть за порог.
Мы – дети дверей и дорог,
искатели вечных путей.*

Мистардэн

Ниночка разложила на учительском столе стопку тетрадей, журнал, письменные принадлежности, после чего поздоровалась с детьми. Каждый раз, давая урок в этом классе, она тихо радовалась. Эти дети были невероятны, чудесны, совершенно непохожи на других. Их ясные, чистые глаза горели непосредственным интересом, они явно ждали, чем еще удивит их любимая учительница географии. И Ниночка изо всех сил старалась не разочаровывать их, порой часами сидела в Интернете, выискивая интересные факты, которые можно использовать на уроке. Впрочем, это были уже не уроки, а живые беседы, где учительница с учениками участвовали на равных. Почти на равных – каждый раз поправляла себя Ниночка, осознавая, что ей до этих детей далеко.

Учительница обвела глазами класс. Что-то было не так, как в прошлый раз. Не сразу она поняла, что два юных хулигана, Витя Соменко и Петя Холмогоров, не шепчутся о чем-то своем, а, как и все остальные, с ожиданием смотрят на нее ясными глазами. Значит, теперь уже весь класс?.. Похоже. И слава Богу! А ведь еще год назад ученики шестого «А», точнее, тогда пятого, были самыми обычными шептунными детьми, мало интересующимися учебой. Но сразу после зимних каникул двое из них вдруг изменились, очень сильно изменились. Их взгляды стали ясными, другого слова Ниночка подобрать не смогла. Причем все в них стало другим – успеваемость, поведение, интересы. Леночке Сырцовой, до того первой моднице класса, стали совершенно безразличны тряпки. Теперь она интересовалась математикой, причем отнюдь не на школьном уровне. Мише Гольдштейну стала интересна физика. А ведь раньше его занимали только компьютерные игры. Самым удивительным открытием для Ниночки было то, что дети не подходили к любимым наукам традиционно, у них на все имелся свой взгляд. Михаил Бенедиктович, физик, как-то раз жаловался в учительской, что не знает ответов на вопросы Гольдштейна. Что ребенок просто не может задавать таких вопросов!

Время шло. Почти каждые две-три недели еще один ученик пятого «А» поднимал на учительницу географии ясный взгляд. Остальные дети смотрели на ясноглазых удивленно и испуганно, не понимая их. Однако один за другим тоже становились таковыми. И вот сейчас, уже в шестом классе, ясноглазыми стали все. Что это значит, Ниночка пока не понимала, но чувствовала, наверное подсознательно, что-то очень важное. Какой-то этап пройден. А вслед за ним будет новый. Она и сама ощущала, что постепенно становится другой, начинает понимать вещи, о которых раньше вообще не задумывалась. Это пугало и радовало одновременно.

Порой у Ниночки возникала странная мысль: хорошо бы, чтобы все на Земле стали такими. Ей почему-то казалось, что в этом случае прекратятся войны, люди перестанут топтать друг друга ради достижения каких-то сиюминутных целей. А еще она очень боялась, что на этих детей, росток будущего, обратят внимание власть имущие, которые ради сохранения своего положения способны на все. Она не раз пыталась поговорить с детьми, прося их не показывать взрослым свое истинное лицо, говорила, что это опасно. А дети с улыбкой отвечали, что скоро она сама все поймет.

Внезапно в дверь постучали, и в класс быстрыми шагами вошел Александр Николаевич, директор школы, в сопровождении незнакомого мужчины средних лет в деловом костюме. Директор выглядел очень злым, он едва сдерживал раздражение, что было заметно по дергающимся губам.

– Здравствуйте, Нина Семеновна, – недовольно буркнул он. – Извините за вторжение, но у нас снова инспекция. На сей раз из прокуратуры.

Ниночку ожгло страхом. Третья инспекция за месяц! Похоже, власти все же поняли, что в двадцать седьмой школе что-то происходит. Она перевела молящий взгляд на детей в надежде, что те не станут показывать свою необычность при инспекторе, и пошатнулась от неожиданности. Дети, как один, встали и широко, радостно улыбнулись, причем улыбнулись инспектору.

– Здравствуйте, Николай Иванович, – заговорил Саша Вихрев, сидевший за первой партой. – Мы вас давно ждем и очень рады видеть.

– Меня?! – изумленно отступил на шаг инспектор.

– Вас, – подтвердил мальчик. – Вы еще не понимаете, но это ненадолго. Наши далласские друзья многое вам объяснят, когда вы будете готовы. Эллариз! Этэннэ! – он протянул к гостю руки ладонями вверх.

Инспектор приоткрыл рот, словно собираясь что-то сказать в ответ, что-то в том же духе, но промолчал, только ошарашенно потряс головой. Ниночке почему-то показалось, что он понял больше, чем они с директором. Последний вообще взирал на происходящее круглыми глазами. Инспектор потер ладонями лицо, почти незаметно улыбнулся и тихо сказал:

– Привет, ребята! Я тоже рад вас видеть.

– Э-э-э... – с трудом выдавил из себя директор. – Тогда оставляю Николая Ивановича с вами, Нина Семеновна.

Он поежился, еще раз окинул класс изумленным взглядом, тяжело повернулся и вышел, явно пребывая в растерянности. Впрочем, ему тоже нравились дети в этом классе, несмотря на всю их странность.

– Не смущайтесь, Назгул! – снова заговорил Саша, когда за директором закрылась дверь. – Ниночка Семеновна – своя, она скоро все поймет.

– Откуда вы меня знаете? – жалобно спросил инспектор.

– Мы – знаем, – заверил мальчик. – Мы знаем всех, кто на грани. Пока мы не можем быть рядом с каждым, нас еще слишком мало. Но все впереди.

– Теперь я понимаю, почему американцы так встревожились... – Назгул дрожащей рукой пододвинул к себе стул и сел. – Ребята, вы – то, чем мы мечтали стать в юности и не смогли. Но поймите: для нынешнего общества и его лидеров вы опасны. Они же на все пойдут, чтобы вас остановить!

– Пойдут, – мягко улыбнулся Саша. – Но их время закончилось.

– Ой ли... – устало покачал головой инспектор. – Выходит, вы знаете, что меня вызвали в Даллас?

– Знаем. Наши ребята вас там ждут.

– Ниночка Семеновна, – обратилась к учительнице Вика Смирнова. – Начните, пожалуйста, урок. А то директор стоит за дверью и слушает. Он хороший человек, но многое ему знать еще рано. С вами, Назгул, мы встретимся после уроков, нам о многом надо поговорить.

Учительница с трудом взяла себя в руки, все еще пребывая в растерянности от того, чему стала свидетельницей, и подошла к доске.

– Тема сегодняшнего урока, – заговорила она, – острова Океании.

* * *

Ты думаешь – это всего только сон,

*И вход в этот край для тебя запрещен.
Ты видишь лишь серое небо без звезд.
Послушай, неужто ты это всерьез?
Послушай, мой милый печальный чужак:
На самом-то деле все вовсе не так!
И есть та дорога к другим небесам,
В страну, что однажды ты выдумал сам.*

Мартиэль

Баффа, недовольно бурча, тащился от урны к урне, выискивая пустые бутылки. Улов сегодня был очень небогатый. На работу в охрану, как он и предполагал, его не взяли. В ближайшем супере место грузчика должно было освободиться только к концу месяца, а жрать хотелось каждый день. Денег осталось рублей десять, вот и пришлось собирать бутылки. Приятели советовали продать байк, и покупатель был, но продать старого верного друга Баффа просто не мог, осознавая, что если сделает это – перестанет быть собой. Так что осталось таскаться по помойкам, а сегодня – еще и с похмелья. И где Добс раздобыл этот паленый коньяк?

Споткнувшись об какую-то балку, Баффа полетел кувырком и разразился матерной тирадой, помянув и эту балку, и чью-то маму, и свою корявую жизнь.

– Как вам не стыдно, дядя Баффа? – заставил его умолкнуть детский голосок.

Байкер привстал на локтях и увидел с интересом смотрящего на него мальчишку лет десяти-одиннадцати в смешной шапочке. Очень ясными глазами смотрящего.

– Ты кто? – с недоумением выдохнул Баффа.

– Я Васька Демин, – улыбнулся мальчик. – А ты – Хоббит Баффа, я тебя знаю.

– Откуда?! – глаза байкера полезли на лоб.

– А вот знаю.

Васька подошел ближе и протянул Баффе руку. Тот в полном обалдении взялся за нее и встал. Со стороны картина, наверное, выглядела изумительно – тощий паренек поднимает здорового бугая.

– Пойдем, – предложил мальчик.

– Куда?

– Ты же на работу хотел устроиться. Вот и пойдем устраиваться.

– Э-э-э... – Баффа совсем растерялся.

– Дядя Ваня ищет человека в котельную. Работа сутками, ты как раз подходишь.

Байкер расплылся в улыбке. О такой работе он мог только мечтать. На нее обычно брали по благу. Но стоит ли верить обещаниям ребенка? Хотя откуда-то этот ребенок его знает, причем знает, как его зовут на самом деле, а не по паспорту. Может, его послал кто-то из своих? Другого вывода Баффа сделать не мог.

Идти пришлось недалеко. Котельная располагалась всего в пяти кварталах от дома байкера. Васька постучал в небольшую грязную дверку. Минуты через две оттуда выполз замызганный мужик в ватнике.

– Дядь Вань, вы истопника искали? Я вот привел. Человек хороший.

– Ну че за человек мы еще поглядим, – недовольно пробурчал тот. – Хотя тебе, малец, верю. Как зовут?

– Баффа, – не успев прийти в себя, байкер представился нецивильным именем.

– Погодь-погодь, – присмотрелся к нему дядя Ваня. – А ведь точно, Большой Бабах, собственной лысой персоной. А я – Элендил, эльф в отставке. Помню тебя по «Эгладору». Эх, хорошо мы тогда зажигали!

– А то! – радостно улыбнулся Баффа, поняв, что перед ним свой.

– Работу, знать, ищешь?

– Ага... Хотел охранником – не взяли. Обещали потом грузчиком взять, а жрать сейчас хочется.

– Ну, работу ты, считай, нашел, – усмехнулся дядя Ваня. – Только платят здесь немного. Больше пятнахи не получишь.

– Да мне и то за счастье! – замахал на него руками Баффа. – Много ли мне надо?

– Тогда лады. Ксива с собой?

– С собой.

– Ну пошли. Напишешь заяву, а я завтра ее в контору снесу. Послезавтра уже на работу выйдешь. А сейчас пошли посидим, старое вспомним. Из наших кого давно встречал?

– Назгула Питерского два дня назад видел. А вчера у меня Добс сидел.

Они хлопнули друг друга по плечу, позабыв про мальчика Ваську, и спустились в подвал, где их ждала початая бутылка водки. А мальчик, загадочно улыбаясь, еще пару минут смотрел на закрытую дверь, а затем растворился в тумане.

* * *

*Там, где страхом кормилась мразь,
Там, где пошлостью дышит молва,
Чистый голос пророс сквозь грязь,
Пепел книг сложился в слова.*

Мартиэль

Назгул медленно брел по коридору школы, пытаясь хоть как-то уложить в голове все, чему стал свидетелем. Теперь ему стало ясно, почему американцы в таком ужасе – для них появление подобных детей равносильно гибели всего, чем они живут и что навязывают остальным. Ясноглазые – росток нового мира, чистого и доброго. Неужели этот росток способен прорваться через все напластования грязи, подлости и жестокости, возведенных в ранг добродетели?..

Хотелось на это надеяться, но надеяться Назгул не имел права – слишком много видел и слишком хорошо знал этот проклятый Создателем мир. «Хозяева жизни» сделают все возможное, чтобы вырвать росток с корнем, чтобы даже следов от него не осталось. А значит, его задача – помешать им, чего бы это ни стоило. Даже ценой собственной жизни, поскольку его жизнь по сравнению с жизнями этих невероятных детей ничего не стоит. Вопрос только: как помешать?

Взгляд скользил по лицам встречаемых учеников и учителей. Когда он видел у кого-то из детей ясные, горящие внутренним светом глаза, то едва заметно улыбался. Как много их, оказывается, в этой школе! Не только в шестом «А», даже среди старшеклассников попадаются. Ясноглазые тоже в ответ обнадеживающе улыбались. Господи, да они же все понимают! С каждым мгновением в душе Назгула крепла решимость защитить их, закрыть собой от любой беды. Ведь они – это то, чем не смогло стать его поколение неформалов, не сумело стать. А дети сумели.

– Все не так, Назгул, – дотронулся до его локтя какой-то мальчишка лет десяти. – Все намного меньше и намного больше. И неизмеримо сложнее. Просто время пришло.

«Они что, мысли читают? – изумился прокурор. – Хорошо бы, это хоть какое-то преимущество».

Мальчишка слабо улыбнулся, кивнул и исчез в толпе. Назгул поежился и пошел дальше. Внезапно его внимание привлек невысокий черноволосый мужчина с залысинами, несущий под мышкой стопку тетрадей и классный журнал. Чем-то он показался Назгулу знакомым. Он

принялся лихорадочно вспоминать, а вспомнив, радостно улыбнулся и перехватил озабоченного учителя.

– Здравствуй, Микки! Давно не виделись.

– Мы знакомы? – деловито пробасил тот, остановившись.

– Назгул Питерский. На «Хишках» виделись.

– Рад тебя видеть! – хлопнул его по плечу Микки. – Как же ты меня узнал через двадцать-то лет?

– Да вот узнал, – развел руками Назгул. – Ты мало изменился.

– Если б ты не подошел, я б тебя точно не узнал. Ты что тут делаешь?

– С инспекцией прислали. Я в прокуратуре служу.

– В прокуратуре? – встревожился Микки. – Нас уже задрали этими инспекциями. Одна за другой! Может хоть ты скажешь, в чем дело?

– Скажу, но не здесь, – помрачнел Назгул. – У тебя есть время потолковать?

– Есть, у меня как раз окно. Пошли в курилку, урок начнется – там никого не будет.

– Пошли.

Как выяснилось, неофициальная курилка располагалась в подвале. В любом другом месте курить в школе было строжайше запрещено. Впрочем, и здесь тоже, но злостные курильщики продолжали дымить, а директор смотрел на это сквозь пальцы – главное, чтобы дети не видели. Кто-то притащил в подвальчик пару колченогих скамеек и ободранную старую тумбочку, на которой стояла играющая роль пепельницы консервная банка. Назгул с Микки достали сигареты, закурили и уставились друг на друга, ожидая, кто первым нарушит молчание.

– Так зачем все эти инспекции? – не выдержал Микки.

– Эти, – указал пальцем вверх Назгул, – узнали о ясноглазых и забеспокоились.

– Суки! – в сердцах хлопнул себя кулаком по колену учитель математики. – Просил же я ребятшек не высовываться...

– Ты думаешь, они способны не высовываться? – горько усмехнулся прокурор. – Они слишком не похожи на обычных детей. Они просто светятся! К тому же, к сожалению, первыми внимание на них обратили не наши, а пиндосы.

– Так в Америке они тоже есть? – прищурился Микки.

– И не только, – кивнул Назгул. – Извини, не имею права говорить, где именно, но есть, и немало.

– Тогда понятно... Но знаешь, думаю, ребятшкам на интерес к ним всяких там структур откровенно плевать. Они расколют все планы этих господ, как раскалывают все мои заковыристые задачи – почти не глядя.

– Твои бы слова, да Богу в уши... Ты забываешь, на что способны эти твари. Чтобы сохранить свою власть и возможность безнаказанно хапать, они могут и перебить ребятшек. Поверь, я в этой кухне разбираюсь лучше тебя. Не зря в прокуратуре, насмотрелся.

Микки нахмурился, задумался, затем как-то странно усмехнулся и сказал:

– Ты, возможно, их кухню и знаешь, зато ты не знаешь, что такое эти дети. Мне почему-то кажется, что ничего им сделать не смогут. Но в одном ты прав: осторожность соблюдать надо.

– Я очень хотел бы, чтобы все было так, как ты думаешь, – вздохнул Назгул. – Я с ясноглазыми впервые столкнулся сегодня. Однако они меня узнали и обрадовались встрече. Скажи, что вскоре я сам многое пойму.

– Они это говорят всем, кто, по их мнению, достоин внимания. С остальными они безукоризненно вежливы, – пояснил Микки, – но и только. Неумных людей просто избегают. Я наблюдаю за детьми с момента появления первого из них. Точнее, их было двое – мальчик и девочка. Раньше они ругались между собой. Мальчик думал только о компьютерных играх, а из девочки однозначно росла манерная стерва. Но когда они пришли с каникул, я увидел нечто потрясающее. Не обычных детей, а каких-то лучистых существ, сияющих Божьим све-

том. Не знаю, как иначе сказать. Девочке до тех пор ставил тройки по математике только по требованию директора – она вообще ее не знала и знать не хотела. Зато после изменения доказала пару недоказуемых ранее теорем, легко оперируя разделами высшей математики, которую не во всяком университете изучают. Ее вопросы заставляют меня постоянно учиться самому, чтобы не опозориться. Да эти дети все такие. Еще я заметил, что учеба и прочее имеют для них очень малое значение. Они заняты чем-то своим, а чем – я понятия не имею. Порой станут втроем или вчетвером, касаясь кончиков пальцев друг друга, и стоят. Час, два, три. И никто к ним почему-то не рискует подходить. Я пару раз хотел, но что-то не дало мне этого сделать.

– Я уже понял, что перед нами нечто невероятное. Но меня до смерти пугает интерес властей.

– А ты попробуй довериться детям. Они знают и понимают больше нашего.

– Хорошо бы. – Назгул устало потер виски. – Но я все равно боюсь за них. Кстати, после уроков шестой «А» в полном составе будет ждать меня на спортплощадке. Они хотят со мной о чем-то поговорить.

– Поговорить?.. – удивленно вскинулся Микки. – Еще ни разу не случалось, чтобы они проявляли такую инициативу. Хотел бы я услышать, что они тебе скажут...

– Извини, но они хотели видеть только меня.

– Да ясно. У меня уже третий месяц предчувствие, что что-то начинается. Тревога какая-то висит в воздухе. Логика ответа не дает, я просто чувствую.

– Ну, у тебя всегда была хорошая интуиция, по играм помню, – улыбнулся Назгул. – Сколько раз нас о засадах предупреждал. Вот и сейчас не оно ли?

– Надеюсь, нет, – помрачнел Микки. – На следующей неделе районная олимпиада по математике. Попрошу-ка я ребятишек не показывать свой истинный уровень, не стоит.

– Попроси. Им действительно нужно научиться скрывать свою сущность. Мы же сумели, и при этом остались собой.

– Они могут и не внять моей просьбе. Они – не мы. Они – нечто куда большее.

Оба задумались. А затем приглушенно прозвенел звонок.

– Извини, мне пора, – встрепнулся Микки. – Окно закончилось. Через десять минут у меня урок.

– Давай-ка телефонами обменяемся, чтобы снова контакт не потерять, – предложил Назгул.

Они назвали друг другу номера и занесли их в память своих мобильных. А затем попрощались и разошлись.

* * *

*Не у каждого есть право,
Не у каждого хватит силы
Защищать правоту и правду,
Чтоб свободу вернуть миру.
Кто откажется быть вольным,
Кто согласен платить цену,
Кто готов стать самой любовью -
Обретает всевластье веры.*

Мистардэн

Шестой «А» дожидался Назгула на спортплощадке. Дети стояли молча, вели себя совсем не по-детски, они пристально и требовательно смотрели на приближающегося прокурора, словно безмолвно вопрошая: «Кто ты? Что ты сделал в жизни? Достаточно ли ты сделал?». И

Назгулу было мучительно больно и стыдно осознавать, что ничего-то он по большому счету не сделал, не смог изменить мир к лучшему. Все проиграл...

Ясноглазые начали двигаться, образуя из себя какую-то странную, ни на что не похожую фигуру. А затем пропустили Назгула в ее центр, сомкнувшись за его спиной. Как только фигура стала цельной, обычные дети, во что-то игравшие на площадке, поспешили убраться прочь, словно нечто невидимое изгнало их.

– Теперь нас никто не потревожит, – негромко сказал Миша Гольдштейн.

– А камеры запишут, как мы играем в футбол, – добавил Саша Вихрев. – Здравствуйте еще раз, Назгул.

– Здравствуйте, ребята, – прокурор с интересом оглядел каждого из восемнадцати ясноглазых. – Мне не нужно рассказывать, что мне поручили в Москве?

– Не нужно, мы знаем. Это мы подвели вас к ним, позволив услышать разговор о вас. Сейчас вы камень и круг на воде.

Глаза ничего не понявшего Назгула полезли на лоб. Что они имеют в виду? Он спросил об этом.

– Суть и частность, – хором ответили дети. – Слепота и прозрение.

– Я не понимаю... – простонал Назгул.

– Всему свое время, – улыбнулся Саша Вихрев. – Просто вы – часть мозаики, которая начала складываться независимо ни от нас, ни от вас. Она просто есть.

– Но дело в том, – заговорила вслед за ним Леночка Сырцова, – что мозаика может сложиться бесконечным множеством способов. И действия составляющих ее элементов имеют значение в каждый последующий момент. Поэтому, зная, как они поступят, можно предвидеть пути, ведущие туда или сюда. Общее изменение не остановить, мозаика сложится все равно. Вопрос, сколь сильным будет разделение сущностей, и от этого зависит все.

– Есть три пути: изменение, распад, коллапс, – сменил ее голос кого-то из детей позади Назгула. – По-прежнему не останется, как бы ни хотелось этого зашедшим в тупик. Они уже сделали все возможное, чтобы погубить себя и весь мир. Мироздание ответило, закрыв им прежний путь, и все попытки идти по нему дальше приведут только к пропасти.

Назгул, слушая ясноглазых, пытался хоть как-то осмыслить их слова. Что-то он понимал, как ему казалось, что-то – нет. Похоже, дети мыслят совершенно иным образом, непривычным и непонятным. У них – другая логика. А может – и не логика вовсе.

– Но что я должен делать? – растерянно поинтересовался прокурор.

– Пока неясно. В каждый нужный момент нужно действовать правильно.

– А как правильно?

– Чтобы ключ подошел к замку.

– Б-р-р! – ошалело потряс головой Назгул. – Ничего не понимаю.

– Ты поймешь, – заверила Леночка Сырцова. – Ты обязательно поймешь, просто не сейчас. Сейчас еще не время. Сейчас замок еще не готов принять ключ. Он даже не осознает, что он замок.

– Придет время, ты встретишься с другими ключами, – вставил Саша Вихрев. – Они уже кое-что поняли, но не осознали. Ты поможешь. Или они помогут тебе.

– В Америке ты встретишь человека. Мы пока не знаем, как его зовут. Знаем только, что он байкер, как и твой друг Баффа. Он – еще один ключ. Его замок известен.

– А сколько всего ключей? – Назгул сам не понял, почему задал этот вопрос, он почему-то показался крайне важным.

– Он включается, – дети переглянулись. – Ключей пять. Возможно – шесть. Это еще не определено. Места сосредоточения – Америка, Новая Зеландия, Саудовская Аравия и Япония. Значение имеет Парагвай. Включение – Фиджи. Но не спешి побывать везде. Ты окажешься в

нужном месте в нужное время. Путь начат, и его нужно пройти до конца, иначе неопределенность увеличивается до бесконечности.

– Да уж, ребятки, озадачили вы меня... – Назгул устало потер виски. – Сделаю, что смогу.

– Твой друг Баффа тоже важен, – заметил Миша Гольдштейн. – Его путь начат. Ему многое предстоит, если поймет все правильно. Но ему подскажут, когда потребуется. А теперь иди, Назгул.

– А...

– Ты все узнаешь со временем.

И дети начали по одному, по двое расходиться в стороны, как будто растворяясь во внезапно поднявшемся тумане.

Глава 3

*Кто станет свободным – вечен.
Ведь вечность – дитя свободы,
А путь, что покоем мечен,
Всегда – тупик без исхода.
Всегда – лишь сон без рассвета,
Всегда – лишь надежда без веры...
Но – да охранят тебя Двери,
Что выше и Тьмы, и Света.*

Мистардэн

Удобно устроившись в мягком кресле бизнес-салона «Боинга-777», Назгул изредка бросал ленивый взгляд в иллюминатор и продолжал размышлять. До посадки в аэропорту Далласа осталось немногим более часа, самолет уже давно летел над территорией Штатов. Что ждет его там? Назгул терялся в догадках, особенно вспоминая разговор с детьми. На душе было неспокойно, предчувствие чего-то нехорошего не оставляло его.

В то же время он постепенно осознавал вещи, над которыми раньше предпочитал не задумываться. И это тоже не давало покоя. Ему очень не хотелось переходить черту, окончательно отказываясь от человеческой части себя, но переход происходил сам собой, и ничего поделать с этим было нельзя.

«Так чем же отличаемся мы и они? Кто мы и кто они? Наверное, так: они принимают этот мир таким, какой он есть, считают его звериные законы нормой, а мы – нет. Мы физически не способны принять эти законы. Нам приходится притворяться или умирать. Третьего не дано. А у многих из нас нет даже этого выбора, такие не могут притворяться, таким остается только умирать. Мы хотим иного мира, более доброго, яркого и понимающего. Мы не хотим платить за свой успех чужой болью, мы просто не понимаем, как можно добиваться успеха за чужой счет. Да и хотим мы не успеха, а просто жить по-настоящему, быть самими собой, не скрывая этого ни от кого! Здесь мы такой возможности лишены. Здесь мы – горстка сумасшедших, которых никто не воспринимает всерьез. Впрочем, а нужно ли нам, чтобы они нас воспринимали всерьез? Нет, не нужно. Мы и они слишком чужды друг другу. Принадлежим, как будто, к одному биологическому виду, но это внешнее. На самом деле – к разным. Черезчур отличны внутренне. До полной несовместимости.

Что самое смешное во всем этом, так это то, что мы, пусть плохо, но способны жить в их мире, а вот они в нашем – никогда. Ведь там им было бы не с кем конкурировать, некого давить, да просто нечем заняться. В нашем мире никому не пришлось бы продавать частицы своей души ради куска хлеба. В нашем мире каждый был бы занят тем, что он любит, тем, что получается у него лучше всего. Им этого не понять. Сколько раз пытался объяснить даже самым лучшим. Не доходит. Потом только понял, что нет смысла объяснять. Что-либо осознать способен только тот, кто готов к этому. Иначе, к сожалению, не бывает. Можно подтолкнуть, дать повод поразмыслить, но не более.

А ведь мы сами тоже очень разные. Порой, на первый взгляд, несовместимые. У нас различные интересы. Общее – одно. Неприятие их мира, их законов и их ценностей, их образа жизни и их понятий. Отсутствие стремления к успеху любой ценой. Для нас цена имеет значение, и очень большое.

Теперь становится понятным, почему ясноглазые вызывают у них такую звериную злобу. Ведь эти дети – символ конца их мира, символ рождения нового, ничем не похожего на прежний. А для нас ясноглазые – последняя надежда. Поэтому мне нужно четко осознавать, что предстоит встреча с лютыми врагами, способными на все, лишь бы остановить возникновение

нашего мира. Мира, где никто не сделает другому зла. Почему-то именно это больше всего пугает их. Всегда хотел знать, почему. Не могу понять...»

Назгул, не обращая внимания на других пассажиров, спрятал лицо в ладони и потряс головой.

– С вами все в порядке, сэр? – тут же подошла к нему стюардесса, улыбаясь, как на американских рекламных плакатах, искусственно и натянуто. – Возможно, вам нужно лекарство?

– Нет, благодарю вас, – отозвался Назгул по-английски.

Забыл, что не стоит привлекать к себе внимание. Бизнес-класс, как-никак. Здесь за пассажирами внимательно наблюдают. Единственное, чего он сильно хотел сейчас – это закурить. И, естественно, не видеть холеных морд других пассажиров. Он ощущал все вокруг до отвращения чуждым. Наверное, не стоит больше, несмотря на удобства, летать бизнес-классом. Слишком противно.

«В нашем мире никому не придется заниматься не своим делом, у каждого будет возможность делать свое и не бояться, что его дело окажется никому не нужным. Каждого поддержат, и каждому помогут. Не затопчут, как здесь, а помогут. Как хочется оказаться в таком мире...»

Незаметно вздохнув, Назгул снова посмотрел в иллюминатор. Впереди замигало табло «Пристегните ремни». Самолет шел на посадку.

Невольно вспомнилось, как любят в этом мире заливать грязью любое благое начинание, и он непроизвольно дернул губами. Сколько раз сталкивался с таким и каждый раз удивлялся, поражаясь, как же так можно. Вспомнилась начатая энтузиастами программа помощи детским домам. Господи, в чем только этих несчастных энтузиастов не обвинили! От воровства до педофилии. Причем обвиняли те, кто сам ничего не делал и не желал делать.

Что ж, они сами виноваты – у их мира больше нет надежды, они не замечают, что мир корчится и криком кричит от боли. А ведь Господь давал им шанс измениться, стать лучше. Они не захотели. Это их выбор и их ответственность. Новый мир возникнет независимо от них, вот только им в нем места уже не будет. И это справедливо.

Назгул заставил себя переключиться на мысли о предстоящей встрече с мистером Халедом. Это будет очень опасная встреча. Нельзя сказать ни единого лишнего слова. Танец босыми ногами в змеином кубле. А ноги-то не привыкли к такому. Но хочешь не хочешь, а придется привыкать. Дети четко сказали, что от него многое зависит. И старый Назгул их не подведет!

Покончив с таможенными формальностями, Назгул вышел в зал ожидания. Надо же, даже вещи не проверили. Пролистали паспорт и шлепнули штамп о въезде. Еще один штамп поставили в разрешении на оружие.

– Мистер Солнцефф? – подошел к нему незаметного вида молодой человек с глазами снулой рыбы.

– Да. – Назгулу захотелось отвернуться и сплюнуть, такое омерзение вызвал у него встречающий.

– Прошу следовать за мной. Вас ждет машина.

Он, ничего больше не говоря, двинулся за провожатым, таща за собой небольшой чемоданчик на колесиках. В дорогу Назгул взял только самое необходимое, еще в игровые времена привыкнув обходиться минимумом. Он с интересом наблюдал за шумной жизнью аэропорта «DFW International» и хмыкал про себя. Слишком большая суматоха. За границей до сих пор Назгул бывал только однажды, да и то – в Финляндии, показавшейся ему сонной и заторможенной.

Идти пришлось довольно далеко, машина ожидала их на одной из платных стоянок аэропорта. Это оказался ничем не примечательный «форд» светло-серого цвета с затемненными стеклами. Однако Назгул сразу понял, что на самом деле машина бронирована.

– В какой отель вас отвезти? – поинтересовался сопровождающий.

- Без разницы, – пожал плечами Назгул. – Главное, в не слишком дорогой.
- Тогда, думаю, подойдет «Palomar Dallas». Довольно удобен и недорог.
- Хорошо.

Сопровождающий сел за руль, и машина мягко сдвинулась с места, едва слышно гудя мотором. Назгул уставился в окно – любопытно посмотреть на настоящую границу. Город, в который они вскоре въехали, выглядел современным, чистым. Однако обилие на улице негров и латиносов сразу приковывало взгляд. Кое-где белых лиц вообще не было видно.

Примерно через полчаса «Форд» подкатил к не слишком высокому современному зданию.

– Прошу вас, – показал на вход сопровождающий.

– Благодарю, – наклонил голову Назгул.

– Мистер Халед будет ждать вас завтра в десять ноль-ноль. В девять за вами подойдет эта же машина, но с другим водителем. Его имя Джошуа. Сегодня желаю вам насладиться отдыхом, но не советую далеко отходить от отеля. Возможны инциденты. К сожалению, в Далласе высок уровень преступности.

– Хорошо.

Выбравшись из машины и достав из багажника свой чемодан, Назгул дождался, пока сопровождающий уедет. На рецепшене он попросил не слишком дорогой номер на одного. Оформили на удивление быстро и без лишних вопросов. Поднявшись на шестой этаж, Назгул нашел дверь своего номера, открыл и вошел. Что ж, вполне приемлемо – никаких особых излишеств, но вполне уютно.

Спустившись в ресторан на первом этаже, Назгул пообедал, а затем прогулялся вокруг отеля. Поскольку сопровождающий советовал не удаляться от него, прокурор и не стал. Затем вернулся в номер, достал из сумки одну из захваченных с собой книг и до самого вечера читал.

Несмотря на усталость, заснуть этой ночью Назгул так и не смог – сказала разница во времени. Иногда задремывал, но большей частью размышлял о том же, что и в самолете.

* * *

*Они говорят о правах людей,
А мы не умеем считать права.
Они любят плакать и убивать.
А ночь никогда не предаст детей.*

Мистардэн

– Прошу следовать за мной, – у входа в небольшой трехэтажный особняк Назгула встретил человек лет сорока в темном костюме.

Машина подошла к отелю ровно в девять часов, минута в минуту. Невыспавшийся и злой Назгул, до самых бровей накачавшийся крепким кофе, сел в машину и поздоровался с водителем, сухощавым парнем в спортивной куртке. Тот коротко кивнул в ответ и тронулся с места. Ехали довольно долго, почти все время на запад, пока не подъехали к воротам в чугунном литом заборе. Водитель посигналил, и ворота открылись. Ни одного человека Назгул так и не увидел, хотя особняк явно охранялся. Когда машина остановилась у входа, он внутренне собрался и придал своему лицу деловой вид. В душе воцарилась злая, холодная решимость. Назгул отчетливо осознавал, что он среди врагов, и не намеревался дать им ни единого лишнего козыря.

Поднявшись вслед за сопровождающим на второй этаж, Назгул незаметно осмотрелся. Дом, похоже, старый, как бы не девятнадцатого века постройки. Никаких украшений, сугубо деловой стиль.

– Вас ждут в этом кабинете, мистер Солнцефф, – сопровождающий указал на резную двустворчатую дверь.

– Благодарю, – кивнул Назгул, толкнул дверь и вошел.

Кабинет оказался обставлен в староанглийском стиле, загроможден старинными книжными полками, у окна – монументальный стол с гнутыми ножками. За этим столом сидел светловолосый человек средних лет в сером костюме и темных очках. Заметив гостя, он встал.

– Мистер Солнцефф?

– Да.

– Добрый день, – вежливо кивнул хозяин кабинета. – Я – Джереми Халед, куратор данного расследования. Рад познакомиться с русским коллегой.

– Здравствуйте. – Назгул привычно подавил в себе отвращение от холодной безразличной улыбки американца, он подобных личностей немало встречал в России и очень не любил.

– Садитесь.

Прокурор подошел к столу и сел напротив Халеда. Тот некоторое время молча изучал гостя, затем негромко произнес:

– Насколько я знаю, вы уже встречались в России с ясноглазыми. Хочу узнать ваше впечатление о них.

– Они настораживают, – осторожно ответил Назгул, осознав, что придется играть на грани фола, а поэтому сообщать то, что они уже и так знают, но ни в коем случае не больше. – Очень странные дети, словно и не дети вовсе.

– Я бы сказал больше, не люди, – заметил Халед.

«Перед тобой тоже сидит не человек, только ты этого не знаешь, – мысленно усмехнулся Назгул. – Желательно, чтобы и не узнал».

– Ну я не стал бы делать столь серьезных выводов, – возразил он. – Поскольку биологически они – люди, то и психологически, думаю, тоже. Просто очень странные люди. За свою карьеру я сталкивался с множеством странных людей, порой куда более странных, чем ясноглазые.

– Если бы это были взрослые люди, я бы с вами согласился, сумасшедших хватает, – отрицательно покачал головой Халед. – Однако, это дети, а человеческие дети не могут вести себя таким образом. Лучшие психологи нашего ведомства теряются, пытаясь понять их мотивацию.

Он снова ненадолго замолчал, после чего достал из ящика и положил на стол очень тонкий планшетник без единой надписи на нем. Какая фирма произвела этот мини-компьютер, было непонятно.

– Возьмите. – Голос американца звучал все так же ровно. – Здесь материалы, необходимые вам для расследования. В том числе и отчеты психологов. Когда мы закончим разговор, ознакомьтесь, не выходя из здания. В шестнадцать часов общее совещание с участием израильтян, новозеландцев и саудитов.

– Саудитов? – делано удивился Назгул.

– Да, – подтвердил Халед. – Зараза распространяется. Еще одна группа ясноглазых обнаружена в Саудовской Аравии. Информация о них вызвала большую обеспокоенность у королевской семьи. С их стороны расследование курирует принц Фейсал.

– Больше нигде не удалось их обнаружить?

– На подозрении Парагвай, но пока только на подозрении. Я отправил туда наших людей, но отчета еще не получил.

– Мне кажется, нужно задействовать медиков, чтобы понять, каким образом происходит заражение, – задумчиво пожевал губами Назгул. – Смотрите сами: в школе, где я побывал, вначале появилось двое ясноглазых. Не прошло и года, как таковыми стали все дети класса.

По одному, по двое, по трое. Почему это происходило, как это происходило? Ответов нет, по крайней мере, у меня.

– Да ничего эти высоколобые умники не обнаружили, – сквозь зубы процедил Халед. – Тысячи предположений, ни одно из которых невозможно проверить. Единственным твердо установленным фактом является идеальное здоровье ясноглазых, даже тех, кто ранее был болен. Например, Виктор Соймерс имел врожденный порок сердца. Сейчас порока сердца у него нет. Врачи утверждают, что это невозможно, но факт остается фактом. Я уже не говорю об их нечеловеческой регенерации.

– Любопытно... – В глазах Назгула мимолетно мелькнула ненависть, которую он тут же погасил, однако не знал, что собеседник это заметил, поскольку очень внимательно наблюдал за гостем.

– Да не любопытно это, а страшно, – криво усмехнулся американец. – Я боюсь, что мы имеем дело с возникновением нового, именно нового биологического вида. Я всерьез опасаясь за наше будущее.

«Ты не прав, дорогой, – насмешливо подумал Назгул. – Ясноглазым до вас просто нет дела. Вы сами все погубили...»

– Если где-нибудь появляется один ясноглазый, – продолжил Халед, – то вскоре возле него обязательно появятся другие. Это действительно болезнь. И наша задача – выяснить, как эта болезнь распространяется, чтобы мы могли ее остановить. К сожалению, пока мы не знаем причин первичного заражения. Были задействованы лучшие ученые, от биологов до физиков, однако выяснить что-либо они не смогли. Продолжают работать. Возможно, придется умертвить кого-то из подопытных, чтобы провести полное клеточное и молекулярное сканирование.

«Ах ты, тварь!» – Назгул мысленно сжал кулаки, с невероятным трудом сдержавшись.

– Несмотря ни на что, внешне – это дети, – холодно возразил он. – Если ваша американская общественность, да и любая другая узнает, то поднимется такой шум...

– На нашей базе есть ясноглазый, которого никто не хватится, – по-змеиному усмехнулся Халед.

«А ведь он меня проверяет... – внезапно осознал Назгул. – И провоцирует...»

Значит, нельзя ничем показать своего истинного отношения к его словам. Интересно, какую именно структуру представляет Халед? ЦРУ, ФБР или АНБ? Похоже, последнюю. Плохо. Их всех американских спецслужб АНБ – самая гнусная. По крайней мере, насколько знал прокурор.

– Тогда это – ваше дело, – безразлично сказал он. – Меня беспокоит другое: расследование, насколько я вижу, довольно масштабное. А я один. Группы поддержки у меня нет.

– Это не проблема, – отмахнулся Халед. – С вашим президентом все согласовано. По первому требованию вам предоставят необходимые ресурсы. По последним данным, ясноглазые появились также в Москве и Минске. Возможно, еще в Саратове и Ярославле.

«Проклятье! – Назгул внутренне похолодел. – Ребятишки слишком засветились. Они все равно еще дети и не понимают, что эти твари пойдут на все, в том числе и на крайние меры. Что же делать?»

– Хорошо, – кивнул он, сохраняя бесстрастную маску.

– А теперь советую вам ознакомиться с материалами. – Халед пристально наблюдал за реакцией визитера. – Вас проводят в кабинет, где можно это сделать.

– Всего доброго, – встал Назгул, захватив со стола планшетник.

– До свидания, – вежливо кивнул хозяин кабинета.

Прокурор, больше ничего не говоря, повернулся и вышел. За дверью его поджидал все тот же бесцветный сопровождающий. Вскоре Назгул уже сидел в небольшой комнате, в которой не было ничего, кроме стола и стула. Покосившись на объективы трех камер напротив, он

мысленно хмыкнул – внаглую пишут. И эту запись станут буквально под микроскопом изучать психологи. Надо во что бы то ни стало оставаться внешне равнодушным.

Назгул положил перед собой планшетник, включил его, вывел на экран первый по списку документ и приступил к чтению.

* * *

*Однажды на заре случится чудо,
И сквозь глухие шторы из-за туч
В твою квартиру словно ниоткуда
Пробьется изумрудный диво-луч.
И, позабыв про все, за сказкой следом
Покинешь дом и все, чем раньше жил.
Пусть твой путь опасен и неведом,
Но ты иди, пока хватает сил.*

Мартиэль

Баффа с изумлением смотрел на бутылку водки и понимал, что ему не хочется пить. Вообще! Да что там, от одной мысли о выпивке ему становилось худо. А такого не случалось за последние годы ни разу! Впрочем, курить байкеру тоже не хотелось, как это ни странно.

– Это что, я последних радостей в жизни лишился?.. – обреченно выдавил он, пряча мятую пачку «Примы» в карман. – Ладно, бомжу отдам...

В последние четыре дня с ним начало происходить нечто непонятное. С самого момента встречи со странным мальчиком Васькой. Следующей ночью старый байкер не раз просыпался в холодном поту, сердце то стучало, как бешеное, то вдруг замедляло свой ход почти до остановки. То и дело бегал в гости к белому другу, порой даже «зовя ихтиандра». Однако к моменту выхода на новую работу состояние Баффы пришло в норму, мало того, он чувствовал себя заново родившимся – так хорошо он себя не ощущал себя лет с двадцати пяти. Каждая мышца наполнилась силой и легкостью, восприятие обострилось, думалось легко и, мало всего этого, так он еще и мог легко вспомнить каждую когда-либо прочитанную в жизни строчку.

Логически рассуждать Баффа умел всегда и четко понимал, что сами собой такие изменения произойти не могли. Никак и никоим образом. А значит, это проделал с ним кто-то другой. Но кто это мог быть? Элендил? Вряд ли. Так что же, это Васька? Других вариантов просто не было. Но что тогда странному ребенку нужно от старого хоббита?.. Это был очень важный вопрос, беда только, что ответа на него не находилось.

На память то и дело приходил последний разговор с Назгулом. Баффа крутил его в памяти так и эдак, но никак не мог осознать, что же его в этом разговоре настораживает, что не дает покоя. В какой-то момент до него вдруг дошло, что Назгул в опасности, причем в смертельной. И нужно ему чем-то помочь. Но чем способен помочь нищий истопник?! Тем более, когда друг за океаном... У кого спросить совета?..

И опять в голову пришло только одно имя – Васька. Что может подсказать ребенок, Баффа не знал, но это была единственная возможность хоть как-то помочь оказавшемуся в беде Назгулу. А что тот в беде, байкер уже не сомневался.

Баффа встал с лежанки, подкинул пару лопат угля в топку и задумался, где искать Ваську. Почему-то спросить у Элендила ему в голову не приходило, это казалось неправильным, так нельзя было делать. Он уныло поставил лопату в угол и вышел из кочегарки под низко нависшее уныло-свинцовое небо. Капал мелкий противный дождь, дул пронизывающий, порывистый ветер, швыряющий в лицо острые, ледяные капли. Байкер с надеждой окинул взглядом детскую площадку, к которой примыкала котельная, однако мальчишки там не обнаружил.

– Васька, где ты?.. – с отчаянием выдохнул Баффа. – Ты мне очень нужен...

Этот зов с какой-то стати доставил ему физическую боль, он отчаянно звал Ваську внутри себя, всей своей сущностью. И почему-то казалось, что тот обязательно услышит и придет.

– Ты хотел меня видеть, дядя Баффа? – Кто-то подергал его за карман куртки.

– Хотел... – с облегчением выдохнул старый байкер, оборачиваясь. – Здравствуй, ясноглазый...

– Я тоже рад тебя видеть, – мимолетно улыбнулся мальчик.

– Раз уж так пришел, то знаешь, зачем мне нужен... – проворчал Баффа.

– Знаю, – подтвердил Васька. – Но ты зря беспокоишься. За Назгулом присматривают. А вот немного позже помощь ему действительно будет нужна. Но готов ли ты?

– Не знаю... – понурился байкер. – Просто ощущаю, что с ним что-то не то. И хочу помочь. Но что я могу сделать?!

– Многое, – серьезно заверил мальчик. – Но прежде всего с собой, иначе не сможешь помочь никому. Однако ты должен все понять сам. Я могу только намекнуть. Не бойся. Не бойся ни себя, ни других. Что бы ни случилось, просто иди вперед. И тогда ты дойдешь.

– Куда я должен идти?! – ошалело вытаращился на него Баффа.

– Ответ в тебе самом, – загадочно ответил Васька и растворился во внезапно поднявшемся тумане.

Больше он, как байкер его ни звал, не откликался. Вскоре Баффа в полной растерянности вернулся в котельную, сел на лавку и с досадой посмотрел на водку и сигареты. Даже не закуришь теперь. А затем, обхватив голову руками, надолго задумался.

* * *

*Но слепым и покорным, к несчастью, немисливо
Разобраться в сплетенье противоположностей:
Что считают Добром – значит, свято и истинно,
Что помимо, – как Зло быть должно уничтожено.*

Мартиэль

Войдя в относительно небольшой конференцзал, Назгул мысленно усмехнулся. Похоже, его пригласили последним, успев уже обо всем договориться. Интересно, почему? Подозревают? Или знают точно? А если знают, то откуда? Впрочем, свои вполне могли его сдать, хоть в это верить и не хотелось. Впрочем, эти «свои» и сами могут знать только то, что он все еще неформал и ходит по всяким тусовкам. О том, что он лютей враг всей их живодерской, воровской системы они знать не могут, хотя вполне способны заподозрить это. Что ж, после встречи с ясноглазыми он знал, на что шел. А значит, игра продолжается.

– Господа, хочу представить вам нашего русского коллегу мистера Солнцеффа. Он курирует данное расследование со стороны России.

– Добрый день, господа, – едва заметно, с достоинством наклонил голову Назгул.

– Хочу представить вам остальных наших коллег.

Халед, не вставая, показал ладонью на невозмутимого араба в традиционном белом бурнуса с тонкими чертами породистого лица и почти незаметной ниточкой черной бородки.

– Его высочество принц Фейсал из Саудовской Аравии, он курирует расследование от имени его величества короля Абдаллы.

Принц слегка опустил ресницы, всем своим видом демонстрируя, что ровни ему здесь нет.

Бросившего на саудита исподлобья недобрый взгляд господина семитской наружности звали Натаном Хуцманом, естественно, представителем Израиля, а если точнее, Шабака.

Худой, высокий джентльмен лет пятидесяти в классическом строгом костюме был представлен, как Джекоб Оуэн, начальник спецотдела SIS, новозеландской службы безопасности.

– Присаживайтесь, – показал на свободное кресло Халед.

Назгул сел и выжидательно посмотрел на него, говорить что-либо первым он не соби-
рался.

– Итак, господа, – после недолгой паузы продолжил американец, – мы собрались здесь, чтобы разработать меры противодействия величайшей опасности, с которой когда-либо сталкивалась наша цивилизация. Как ни горько признавать, эта опасность пришла не извне, а изнутри. По крайней мере, так предполагают наши аналитики. Вы все ознакомились с переданными материалами?

Собравшиеся подтвердили это кивками.

– Очень хорошо. Хотелось бы знать ваше мнение по данному вопросу.

– Позвольте? – заговорил израильтянин, его английский оставлял желать лучшего.

– Конечно.

– Вы говорите об угрозе всему человечеству. Простите, но я такой угрозы не вижу – ясноглазых слишком мало, в общей сложности, их не больше нескольких сотен, да и то, думаю, это преувеличение.

– Пока мало, – возразил Халед. – Но их постепенно становится все больше. Вспомните ваши собственные данные по йешиве «Бней Цион». Вначале появился один, а через полгода их было уже больше двадцати.

– Всего лишь двадцати, – поднял палец Хуцман. – Я согласен, что необходимо найти причину этого непонятного заболевания, но, повторяю, не вижу оснований для паники.

Халед с легкой укоризной посмотрел на собеседника, словно упрекая того в недопонимании сути проблемы. Однако Назгул вдруг с удивлением осознал, что тот на самом деле испытывает немалую досаду. Откуда это?! Уж кем-кем, а эмпатом он никогда не был. Всегда предпочитал уповать на логику. Но теперь он почему-то при взгляде на человека начал ощущать, что тот чувствует. Араб, например, испытывал холодную брезгливость ко всем, находящимся здесь, однако в то же время тревожился и одобрял тревогу Халеда. А вот новозеландцу было попросту скучно, он думал о чем-то своем. Израильтянин же искренне считал данное заседание пустой тратой времени.

– Вы, видимо, не обратили внимания на то, что ясноглазые – уже не люди, а нечто иное, – продолжил настаивать на своем американец. – Для них наши ценности, причем любые, включая религиозные, ничего не значат. А понять их логику мы не в состоянии. Вы сами говорили с кем-то из них?

– Говорил, – подтвердил израильтянин, – и не с одним. Но с вашими выводами согласиться не могу. Да, странные дети, задают странные вопросы, но при этом – талантливейшие в будущем математики, физики и инженеры. Учителя в восторге от них. Возможно, это даже гении. А гении, как известно, испокон веков были странными. Но при этом их способности успешно использовались. Я уверен, что мы вполне сможем воспользоваться и способностями ясноглазых. Даже если это болезнь, как вы утверждаете, то чем плоха болезнь, делающая человека гением?

– А тем, что заболевшие отказываются принимать основополагающие устои общества, – внезапно вмешался араб. – И не просто отказываются, а не желают им подчиняться. Они видят мир совсем иначе и намерены переделать его по своему усмотрению.

– Полностью с вами согласен, ваше высочество! – поддержал его Халед. – Я вижу, вы лучше других понимаете опасность ситуации.

– И что с того? – Голос Хуцмана так и сочился сарказмом. – Многие были бунтарями в юности, я сам был таким в двадцать лет. Повзрослел немного, и сам все понял. Ясноглазые тоже поймут и прекрасно впишутся в наше общество.

– Вот именно, – впервые с начала разговора открыл рот новозеландец. – Мы, например, очень рады, что у нас появилось столько талантливых детей. А ясноглазые талантливы, даже более того. И не забывайте, что по крови они все равно наши дети.

– А вот в этом я сомневаюсь. – Улыбка Халеда скорее походила на оскал. – Прошу ознакомиться с этими данными. Я сам получил их только два часа назад, но они прекрасно подтвердили мои предположения. Ясноглазые – не люди биологически! Это доказанный научный факт. Уже доказанный.

Словно ниоткуда возникли неприметные молодые люди, положившие перед каждым из сидящих за столом одинаковые серые папки.

– Прочтите, – показал на одну из них американец.

Назгул открыл лежавшую перед ним папку, в которой лежал всего лишь один листок, и принялся читать. Сводная таблица из двух столбцов. В одном приводились параметры обычного человека, а во втором – ясноглазого. Скорость реакции, выносливость, количество лейкоцитов и эритроцитов в крови, острота зрения, в том числе и ночного, мышечная сила, скорость прохождения нервных импульсов, восприимчивость к ядам и наркотикам, ментальным воздействиям, кислотам и радиации. Причем, пункты шли вразброс, за скоростью реакции могла следовать восприимчивость к ядам, а следом за ней – скорость регенерации. И с каждой цифрой становилось все более понятно – ясноглазые действительно почти ни в чем не являлись людьми. Скорость их реакции превышала человеческую на порядок, как минимум. Любые раны заживали очень быстро – новая кисть вырастала в течение двух недель. По всем параметрам они превышали человека очень намного.

Читая все это, Назгул мысленно радовался за детей – они смогли стать чем-то большим, чем люди. Они сумели! Одновременно он с трудом сдерживал ярость. Регенерация кисти, говорите? Так сначала надо было ее отрезать... А ведь это явно было сделано. Да и остальное. То, что творили с кем-то из чистых детишек в какой-то тайной лаборатории, просто пугало – до какой же степени безжалостности дошли господа «исследователи», чтобы творить такое? Впрочем, от этих другого ждать было бы трудно – звери. Впрочем, не надо оскорблять зверей, эти – куда хуже. Постепенно приходило понимание, что несчастного ребенка нужно спасать, любой ценой вытащив из их рук. И это, похоже, именно его долг.

А эти?.. Эти за все заплатят, и очень скоро. Они перепуганы, не понимают, что происходит, и от страха готовы на что угодно. Вот только почему-то не желают осознавать, что сами виноваты, что сами довели ситуацию до такого. Но незнание закона не освобождает от ответственности...

– Эти факты достоверны?.. – Голос израильтянина подрагивал.

– Полностью достоверны, – удовлетворенно усмехнулся Халед. – Каждая цифра не раз проверялась. Думаю, теперь всем ясно, что ясноглазые – это не хомо сапиенс, а хомо новус. Иначе говоря, среди нас начали появляться представители нового вида, как когда-то среди неандертальцев появились кроманьонцы. Вам известна судьба первых? Вы хотите себе такой же? Мне почему-то не хочется, чтобы человечество исчезло, как биологический вид.

– Да, теперь я вынужден с вами согласиться. – Новозеландец выглядел пришибленным. – Это уже не наши дети... Это что-то другое...

– Я сразу понял их опасность, – глухо сказал араб, – но такого не ожидал. Вынужден буду дать его величеству рекомендацию без промедления принять соответствующие меры, вплоть до самых жестких.

Назгула от этих слов ожгло холодом изнутри. Да они же просто перебьют детей! Их надо спасать! Но как?..

– Возможно, нам стоит не спешить с радикальными мерами, – покосился на принца Хуцман. – Может, наилучшим выходом будет поместить ясноглазых в строго изолированную резервацию, не допуская никакого контакта с обычными детьми. И внимательно за ними наблюдать.

– Это одна из мер, которые я хотел предложить, – наклонил голову американец. – Но не уверен, что она окажется достаточной. В данном документе не все. Дело в том, что ясноглазые помимо всего прочего еще и способны держать под ментальным контролем сразу несколько человек.

Воцарилось потрясенное молчание. Собравшиеся переглядывались, пытаясь осознать услышанное. За исключением Назгула, для которого это была не новость.

– К счастью, пока это воздействие держится недолго, – поспешил успокоить остальных Халед. – Но что будет, если они вырастут? Или научатся действовать сообща? Ученые на эти вопросы ответа не дают.

Он помолчал и продолжил:

– Потому-то я и созвал это совещание. Нам нужно разработать комплексные меры защиты от новой угрозы. И действовать скоординированно, поскольку угроза общая.

Все согласно кивнули, даже Назгул вынужден был сделать это, иначе сразу бы себя выдал. Но он пребывал в ужасе, понимая, что остановить нарождающегося монстра новой международной спецслужбы, предназначенной для уничтожения ясноглазых, единственной надежды мира, не в состоянии. Говорил же детям, что нельзя светиться, пока не вошли в силу! Но они, хоть и гениальные, всего лишь дети, не имеющие жизненного опыта, не сталкивавшиеся со страшной машиной государства, безжалостно давящей все, выходящее за общепринятые рамки. Но раз не может остановить, то нужно хотя бы задержать и предупредить детей.

– Можно вопрос, мистер Халед? – повернулся он к американцу.

– Спрашивайте, – кивнул тот.

– Разрешите быть откровенным, говорить без экивоков?

– Конечно.

– Как вы знаете, – продолжил Назгул, – в мире постоянно появляются новые очаги заражения, причем в местах, никак внешне не связанных друг с другом, по крайней мере, вы сами говорили, что взаимосвязь не обнаружена.

– К сожалению, это так, – помрачнел Халед.

– Мы также не знаем всех нынешних очагов. Возможно, Парагвай. Возможно, еще какая-нибудь страна. У нас, в России, ясноглазые появились уже в нескольких городах. И это только известные факты! А сколько может быть еще? Полагаю, множество. Вы согласны, господа?

Остальные подтвердили.

– Но позвольте дополнить, – заговорил принц Фейсал. – На то и существуют государственные структуры безопасности, чтобы ограждать государство и, скажем прямо, тех, кто обладают властью. Мы, например, до сих пор не проводили тщательного поиска ясноглазых. Но за этим дело не станет, мы немедленно займемся этим вопросом. И даю слово, что в течение недели все мутанты будут обнаружены. По крайней мере, в нашей стране, да и во всем мусульманском мире.

– Ничуть не сомневаюсь, – заверил Назгул. – У нас, конечно, территория побольше, поэтому поиск может затянуться, но мы тоже найдем всех. Однако, даже если мы зачистим их поголовно, кто может дать гарантию, что завтра не возникнут новые очаги? Что где-нибудь в джунглях Амазонки или на тихоокеанских островах не возникнут опять группы ясноглазых?

– Понимаю вашу озабоченность, мистер Солнцефф, – благосклонно кивнул Халед. – И полностью ее разделяю. Но считаю, что выход найти можно, на то Бог дал нам разум. Возможно, нам придется создать особую структуру, имеющую особые полномочия от правительств всех заинтересованных стран и собственные вооруженные силы, которая будет отслеживать все аномалии и искать мутантов, где бы те ни скрывались.

– Может быть, – не стал спорить Назгул. – Но есть еще один вопрос. Ясноглазые пока не скрываются и не маскируются. А что, если они научатся этому? Как тогда их определять?

– Давайте решать проблемы по мере их поступления, – резонно заметил американец. – Думаю, что мы в любом случае что-нибудь сумеем придумать. Но сейчас я предлагаю обсудить, какой может являться предложенная мною структура и какие ей можно придать полномочия.

– Согласен, – сказал израильтянин. Остальные молча наклонили головы. Пришлось это сделать и Назгулу.

Он слушал высказывания лощеных господ и с трудом удерживался, чтобы не кусать губы. Идиоты! Они же хотят убить надежду! Последнюю надежду этого несчастного мира, который они превратили в помойку в угоду своим сиюминутным, ничтожным желаниям...

Что ж, раз так, то они более недостойны ни жалости, ни сочувствия. Против них можно и нужно применять любые меры, они потеряли право на существование своей цивилизации, как таковой.

«Ты прав, Назгул... – внезапно раздался у него в голове шелестящий голос. – Мы надеялись, что они опомнятся, мы давали им шанс. Они этим шансом не воспользовались. Что ж, это их выбор – Создатель дал разумному право на выбор. Но и ответят за свой выбор они тоже сами. Однако будь предельно осторожен. Вскоре мы с тобой встретимся – тебе пора в путь...»

Глава 4

*Но их путь навека выбран
И когда нужны перемены
Разделивший судьбу мира
Снова должен платить цену.
Вновь себя отдавать миру,
Отдавать и не зная меры -
Вот навек единственный выбор
Наделенных всевластьем веры.*

Мистардэн

Тихо потрескивал, стреляя искрами, бездымный костер, ветер покачивал ветви чахлах деревьев, каким-то чудом выросших на камнях, едва прикрытых грунтом. Тени от языков пламени причудливо плясали на скале позади, также на ней отображалась тень человека, сидящего очень прямо.

Никто из племени не рискнул бы пойти за старым шаманом, ушедшим в горы – даже те, кто взял себе имена бледнолицых. Впрочем, такие в резервации не задерживались, они уходили в большой мир и вскоре бесследно растворялись в нем. Оставались те, кто не мог и не хотел принимать чуждые законы, кто не считал, что деньги оправдывают все. А также те немногие, кто хотел жить по обычаям предков.

Полная луна огромным красноватым диском нависала над ущельем, в котором готовился говорить с духами старый шаман. Он молча вглядывался в огонь, протянув к нему руки ладонями вверх и, казалось, он не ощущает никакого жара. Морщинистое красноватое лицо с резкими чертами было непроницаемым, глаза спокойными. Две седые косы спадали по плечам, и ветер играл вплетенными в них лентами. На голове шамана была украшенная бисером и изображениями тотема племени кожаная повязка. На шее висело ожерелье из когтей пещерного медведя, поколениями передававшееся от одного шамана к другому. Непросто было заслужить это ожерелье. Однако Белое Перо заслужил его по праву.

Старик начал гортанно произносить слова песни Духов, по шепотке бросая в костер что-то из висящих на поясе мешочков. Пламя на каждую шепотку реагировало разноцветными вспышками и клубами дыма. Ничего не понимающие бледнолицые решили бы, что он наркоман, но Белому Перу не было до их мнения никакого дела – да и откуда бы они взялись в этих пустынных местах, ведь сюда даже его соплеменники избегали заходить, боясь прогневать духов? И правильно, не раз случалось так, что незваного гостя погребало под внезапно сошедшей лавиной, или он срывался в пропасть. А иногда просто исчезал.

Последняя шепотка, резкий вскрик, клуб желтого дыма – и шаман резко встал, замер, протянув руки к огню. Его восприятие скачком расширилось, охватив собой весь мир. Давно Белое Перо не решался на этот тяжелый обряд, отбирающий по несколько лет жизни за раз. Поэтому шаманы шли на него только в случае крайней необходимости.

Перед глазами текли картины, вереницы лиц и событий. И с каждым мгновением Белое Перо все больше осознавал, что не зря решился сегодня на это. Мир умирал, он криком кричал от боли, но никто, почти никто из людей не слышал его крика, а если кто и слышал, то был не в силах помочь. Причем привели к этому именно люди, жадные, жестокие и недалекие люди, стремящиеся любой ценой добиться чего-то здесь и сейчас, не понимающие и не желающие понимать, что они творят. А главное, ни во что не верящие. Остальные же были просто инертны, но это не снимало с них ответственности. И если не будет найден выход, то вскоре по миру прокатится огненный вал очищения, после чего жизнь надолго замрет, и неизвестно, возродится ли когда-нибудь снова. Все в руках Великого Духа, а он разгневан...

Картины все текли, и с каждым образом шамана все сильнее охватывала безнадежность. И самое главное, что никому не расскажешь, просто бесполезно – они слепы, но думают, что зрячи. Вот и рвутся к краю пропасти, ведя за собой остальных. Неужели спасения нет?..

Внезапно в вереницах образов что-то изменилось, возникла новая сила, чистая и зрячая. Едва осознав это, Белое Перо потянулся к ней, с надеждой потянулся – и едва не ослеп от белоснежного сияния. Никогда еще шаман не сталкивался ни с чем подобным, да даже не думал, что такое вообще возможно. Опыт бесчисленных поколений предков оказался совершенно бесполезен. Великий Дух, да с чем он столкнулся?!

Образы продолжали сменять друг друга – возникновение новой силы меняло всю картину мира. Но одновременно шаман видел, что слепцы испугались этой силы и стремятся уничтожить ее, чтобы никто не мешал им продолжать идти к пропасти. Все замерло в неустойчивом равновесии, неясно было, что возьмет верх. Однако вскоре Белое Перо заметил еще один фактор, пока мало на что влияющий, но способный стать ключевым. Перед внутренним взором прошло двенадцать лиц, причем одним из них было его собственное. Выходит, Великий Дух решил возложить на него важную миссию? Что ж, он сделает все, что в его невеликих силах. Неясно только, что именно он должен сделать...

Всей душой старый шаман потянулся к небу, прося указать ему путь. Одно из двенадцати лиц внезапно резко увеличилось, словно прыгнуло навстречу, а бестелесный голос сказал:

– Вы должны встретиться. Найди его и помоги.

Шаман пристально взгляделся в того, кого ему показали. Усталый белый человек средних лет с тоскливым взглядом не менее усталых глаз. Одет в обычный для белых костюм, который почему-то кажется на нем чужеродным, словно ему привычна совсем другая одежда. Внезапно костюм сменился потертыми кожаными штанами и безрукавкой, на голове возникла повязка, чем-то похожая на повязку самого шамана – и таким незнакомцем выглядел органично и правильно. Почему-то старик ощутил к этому белому чувство, которое раньше испытывал только по отношению к рано погибшему сыну. Желание защитить. Странно, но факт. Значит, помочь ему? Найти и помочь? Такого прямого указания духи никогда еще ему не давали. А это значит только одно – все остальное больше не имеет значения.

Затем Белое Перо увидел еще одно лицо – пожилого чернокожего мужчины, с трудом ковыляющего с палочкой по захламленной, грязной улочке какого-то города. После него появился азиат, стоящий с какой-то дымящейся палочкой в странного вида храме. Каким-то подсознательным чувством старик понял, что видит перед собой шамана иного народа, причем – великого шамана. Последним он увидел белого лысого громилу с заплетенной в длинную косу бородой, с тоской смотрящего на стол, где стояла бутылка с чем-то мутным. И каждый из увиденных занимал свое место в огромной мозаике переплетающихся образов, вырисовывая непонятную, но дающую надежду картину.

До шамана дошло, что несмотря на свой гнев, Великий Дух все же дал людям последний шанс. И не воспользоваться им – означает погубить все. Нужно сложить увиденную мозаику, любой ценой. Вот только как ее сложить? Он боялся снова спрашивать у неба, оно и так ему слишком много открыло. Однако небо услышало безмолвный вопрос, и Белое Перо осознал, что двенадцать человек являют собой шесть пар – и каждый должен встретиться именно со своей парой, чтобы занять нужное место в мозаике.

Пересохшими губами Белое Перо выдохнул слова выхода из ритуала и обессиленно упал на колени – сил не осталось вовсе.

– Благодарю вас, духи... – заставил себя прошептать он. – Благодарю тебя небо...

Затем ничком рухнул на камни и потерял сознание. Сверху на него ласково смотрела огромная белая луна.

Утром Белое Перо вернулся в селение, перерыл свой вигвам, нашел полученные очень давно, еще в молодости, водительские права, собрался и впервые за последние сорок лет покинул резервацию, ничего не сказав недоумевающим соплеменникам.

* * *

*Ты растекся по мыслям набивших оскомину книг,
И однажды меж строк по глазам полыхнули зарницы.
Словно сталью, прошло Вселенной, скрутившейся в крик, -
То из сердца прорезались крылья неистовой птицы.*

Мартиэль

С трудом, со стонами поднявшись на четвертый этаж, Томас остановился передохнуть, чуть не плача от боли. Колено, казалось, разрывалось на части. Удивительно, впрочем, что он вообще способен хоть как-то ходить – врачи обещали, что без операции он окажется прикованным к постели гораздо раньше. А где взять денег на эту чертову операцию?.. Благо, что в свое время откладывал в пенсионную кассу, теперь может скромно существовать, не умирая от голода.

Отвалившись от стены, Томас достал ключ и вошел в свою крохотную, нищую квартирку. Впрочем, много ли одинокому старику нужно? Ему хватает. Район, жалко, уж больно неблагополучный, молодежные банды хозяйничают в нем совершенно безнаказанно, полицейские сюда предпочитают не соваться. Но снять жилье в другом ему не по средствам. Хорошо хоть хромого старика почти не трогают – и даже за это приходится ежемесячно отдавать треть скудной пенсии. Сосед вон не захотел – бейсбольными битами насмерть забили.

Налив себе чаю, Томас со стоном облегчения опустился в ободранное, продавленное кресло, которое можно было назвать креслом только с очень большой натяжкой. Но главное, что сидеть удобно, остальное неважно. Он пододвинул к себе свое единственное сокровище – огромную старую книгу по ритуальной магии, изданную, по словам букиниста, в конце девятнадцатого века. Наверное, ее можно было бы продать и выручить неплохие деньги, но Томасу это даже в голову не приходило, ведь книга – его единственная отрада в беспросветной жизни. Он очень любил разгадывать ребусы из книги, составлять формулы и вырисовывать сложные схемы, хотя в магию никогда не верил. Бывшему учителю физики просто было интересно. Он не раз задавал себе вопрос: «Почему?». И не находил ответа. Чушь же! Однако интерес не пропадал.

Раскрыв книгу на сто восемнадцатой странице, Томас взял со столика альбом, в котором третий день аккуратно вычерчивал сложнейшую схему взаимодействия стихийных сил. Пока он ходил в магазинчик на углу за продуктами, в голову пришла интересная, даже парадоксальная идея связать между собой огонь и воду в единое целое. Даже с точки зрения магии полный бред, в книге говорилось об этом прямым текстом. Но почему бы не попробовать? Все равно же все это чисто умозрительно.

Снова на всякий случай просмотрев символику, старый чернокожий человек улыбнулся, почесал в затылке, а затем взял тонкую кисточку, обмакнул ее в краску и начал решительно рисовать знаки стихий, совмещая их по всем векторам. Закончив, Томас критическим взглядом окинул схему – получилось на удивление стройно и красиво, показалось даже, что линии засветились призрачным светом, хотя этого, конечно, не могло быть.

Затем он составил заклинание, используя для этого математические формулы – любой «маг» осмеял бы его за это, но какое ему дело до мнения кого-либо? Ведь Томас просто развлекается, убивает время. А поэтому можно все. Закончив, он положил себе на колени схему,

на мгновение замолчал, а затем четким голосом произнес заклинание, просто чтобы услышать, как оно может звучать. Случившегося после этого старик не ждал и ждать не мог.

Линии схемы внезапно налились синим светом, а символы в ключевых точках – желтым. Раздался гонг – из ниоткуда раздался! И чей-то звонкий, скорее даже детский голос произнес: – Замок должен быть открыт! Ключ идет к тебе! Иди навстречу!

После этого в глазах Томаса потемнело, и он увидел себя летящим над Землей, как будто находился на орбите. Душу охватил чистый, звенящий восторг, он смеялся и купался в лучах света. Однако смеялся старик только пока не посмотрел вниз. Когда он увидел покрывающее мир склизкое, черно-багровое облако, с каждым мгновением пожирающее все больше участков земной поверхности, Томас содрогнулся. И в тот же момент осознал страшную истину – мир умирает, причем к гибели его привели люди, беспринципные и жадные люди. И если их не остановить...

– Господи, да что я могу-то?! – взмолился старый человек. – Я же калека...

– Иди и ищи! – снова прозвучал детский голос. – Твой путь только начинается. И ты найдешь. И тебя найдут.

– Что искать?! Кого искать?! Кто найдет?! КАК?!!

Никто не ответил, но перед Томасом вереницей поплыли лица. Первым был невозмутимый старый индеец с короткой трубкой в зубах. За ним появился огромный байкер на уродливом трехколесном подобии мотоцикла. Рядом с ним стоял пожилой белый мужчина в мятом костюме. После них появился еще один байкер, лысый, с бородой, заплетенной в косу. Из-за их спин выплыло лицо смеющегося азиата, а сбоку возник латинос в сомбреро с обломанными краями. Последним стал полярник в меховых одеяниях, черт его лица Томас не разглядел.

– Путь начат! – набатом грянул пронизавший все вокруг нечеловеческий голос. – И пусть свершится чему суждено!

– Да будет так... – сам не зная почему, прошептал Томас.

И все тут же исчезло. Старик вновь оказался сидящим в своем продавленном кресле, как будто ничего не случилось. Однако когда взглянул на схему, то понял, что все это ему не привиделось – схема была словно выжжена на бумаге, а не нарисована. Томас потер ее пальцем, но ничего стереть не смог.

– Значит, путь?.. – широко улыбнулся старый человек, не вытирая стекающих по изрезанным морщинами щекам слез. – Спасибо тебе, Господи, за этот шанс!

Он встал, неожиданно легко – колено не болело! Ощупав его, Томас понял, что произошло чудо. Нет, его не исцелили полностью, но теперь он вполне мог ходить без палочки – пусть медленно, но ходить.

– Путь... – прошептал старик. – Что ж, в путь.

Он собрал в сумку скудные пожитки, а главное, положил на дно книгу, затем окинул взглядом свою убогую квартирку, засмеялся и навсегда покинул ее.

* * *

*С ветхих страниц возвращается память,
Дороже, чем истина старая сказка.
Вера в себя пожирает, как пламя,
Облик земной – надоевшую маску.*

Мистардэн

Покосившись на яркое солнце, Михаил поправил маску на лице, плотнее запахнул меховой капюшон и, наклонившись, чтобы не сдувал ветер, двинулся к снегоходу. Погода, несмотря на весну, а недавно начался ноябрь, резко ухудшилась. Впрочем, в Антарктиде она и летом не

слишком радовала, но на то она и Антарктида. Если честно, Михаилу здесь несколько поднадоело, хотя в свое время он рвался в эту экспедицию изо всех сил – для гляциолога⁴ нет лучшего места для исследований. Да и городская суэта изрядно достала. Однако за время зимовки он сильно устал и теперь с нетерпением ожидал окончания смены, когда корабль сможет пробиться сквозь льды и забрать отработавших свой срок. Впрочем, к зиме Михаил сова планировал вернуться сюда, только отдохнет как следует там, где тепло.

Забравшись в снегоход, он уложил в багажное отделение контейнер для проб и бур, затем с облегчением стянул с лица маску и жадно напился из термоса горячего чая. Программа на сегодня еще не выполнена, сейчас передохнет, и надо продолжать. Результаты обнадеживают, по крайней мере, после проведенного на месте предварительного анализа.

– Миш, что у тебя, порядок? – раздался из динамика рации голос дежурного, Сашки, весельчака и балагура, чьи шутки помогали коротать монотонные дни во время метелей и буранов, а они зимой были частыми гостями.

– Все нормально, – бросил он в микрофон. – Сейчас еще пару проб сниму и двину домой.

– Ты там не задерживайся, ветер усиливается. Как бы не буран...

– Успею, – немного неуверенно сказал Михаил.

– Хорошо, буду на связи.

Отдохнув, гляциолог принялся заносить результаты проб в свой ноутбук, что много времени не заняло. Однако кое-какие данные настораживали, похоже, недалеко все же есть каверна. Интересно было бы взять пробы льда с глубины, это могло бы прояснить кое-что. В последние два месяца Михаил топтался неподалеку, пытаясь определить границы каверны, но никак не мог этого сделать, какие-то мелочи обязательно мешали. Но теперь, похоже, он своего добился. Хорошо бы уговорить начальника станции на серьезное исследование каверны – может вообще удастся найти вмерзшие в лед древние формы жизни, уж слишком много органики в пробах, которой здесь быть, как будто, не должно. Нужно обязательно выяснить – почему.

Определившись по составленной им карте возможных границ каверны, Михаил сдвинул снегоход с места и направился к наиболее перспективной зоне. Он очень надеялся, что сейчас наконец-то выйдет на самую каверну, надоело бесцельно снимать пробу за пробой. Возможно, зря он не доложил о своих догадках начальнику станции, но хотелось сначала найти, а потом уже хвастаться.

Через четверть часа Михаил добрался до намеченной точки и, захватив бур с контейнером, надел маску и выбрался наружу. Злой ветер сразу бросил в лицо горсть колючего снега, но натолкнувшись на маску и очки, бессильно зашуршал по парке. Быстро пробуравив скважину, гляциолог на месте просмотрел первичные результаты, использовав портативный анализатор. Отлично, органики во льду еще больше, значит, он на верном пути.

Снова забравшись в снегоход, Михаил, весело насвистывая, двинулся вперед в том же направлении, по пути внося данные в ноутбук. Глухой треск снизу заставил его встрепнуться и, резко нажав на тормоз, дать обратный ход. Однако гляциолог опоздал – треск усилился, снегоход накренился, закачался и, бессильно вращая гусеницами, рухнул куда-то вниз.

– М-мать твою!.. – только и успел выдохнуть Михаил, ударившись лицом об экран ноутбука.

Затем сильный толчок сдернул его с кресла и швырнул на стену. И все померкло...

Когда Михаил со стоном открыл глаза, снегоход все еще скользил куда-то вниз по наклонной плоскости. Фары, скорее всего, разбились, поэтому ничего вокруг видно не было. Двигатель молчал.

– Бл...ь! – в сердцах выругался Михаил. – Вот это попал...

⁴ Гляциолог – ученый, специалист по льдам.

В этот момент снегоход на что-то наткнулся и остановился. Михаил снова ударился и отчаянно заматерился, вытирая потекшую из носа кровь. Немного придя в себя, он нащупал фонарь и включил. Судя по всему, машина перенесла аварию относительно неплохо, по крайней мере, стекла не разбились, а это давало надежду на выживание. Правда только в случае, если удастся завести двигатель. Он поспешил к панели управления и повернул ключ. Стартер немного поработал впустую, а затем Михаил с облегчением услышал ровный шум двигателя. Слава Господу! Еще потрепыхаемся.

Заработала одна фара – уцелела, как ни удивительно. Но черт возьми, куда он попал?.. Снегоход мало того, что провалился сквозь лед в каверну, так еще и долго куда-то скользил по наклонному тоннелю. И где он теперь? Через стекла мало что было видно. Что ж, хочешь не хочешь, а придется выходить – необходимо осмотреться. Однако прежде всего Михаил должен сообщить о случившемся на базу – самостоятельно выбраться отсюда вряд ли получится.

– База, база! – включил он рацию. – Здесь Лазарев. Вы меня слышите?

– Очень плохо, – сквозь шум помех ответил едва слышимый голос. – Мишка, это ты?

– Я, – изо всех сил закричал в микрофон гляциолог. – Провалился в каверну!

– Что?! Куда?!

– В подледную каверну. Сам выбраться могу...

– Да где ж ты ее нашел, дурня кусок?! – послышался из динамика голос начальника станции.

– Я ее уже несколько месяцев пас... – повинулся Михаил. – Хотел сперва найти, а потом доложить. Вот только она меня первой нашла... – попытался пошутить он.

– Нет, ну не идиот ли? – риторически спросил неизвестно у кого начальник. – Каверну сам разработать решил... Ох...л, что ли?.. Забыл, что это Антарктида?! Ладно, чертушка, давай свои последние координаты. Пеленг мы взяли.

Михаил передал.

– Часа два продержишься?

– Двигатель работает, так что без проблем.

– И то хорошо, – пробурчал начальник. – К выходу только поближе постарайся подобраться. Мы сообщим, когда будем на подъезде.

– Только сами сюда не угодите! – предупредил Михаил.

– Ты нас за кого принимаешь? После тебя, небось, такая дырища осталась, что только слепой не заметит. Эх-ма, опять снегоход списывать придется... Как же вы меня достали, хмыри вы долбанные! И гляди мне, не шарься там, а то опять куда-то залезешь.

– Но надо же поглядеть, где я оказался. Хоть пробы возьму. Я чего к этой каверне привязался-то? Пробы возле нее уж больно интересные были – море органики. А что тогда в самой каверне?

– Лады, пробы возьми. – В голосе начальника появился интерес. – Но осторожно, не провались еще глубже. И карманную рацию чтоб с собой захватил!

– Обязательно захвачу, – пообещал обрадованный тем, что гроза миновала, гляциолог. Он знал, чем заинтересовать начальника, тот тоже был фанатом науки. Потому-то Михаил и не сообщил ему заранее о каверне, а то бы начальник сам ринулся искать.

– Все, спасатели отправились, – послышался из рации голос Сашки. – Ну ты, бродяга, и выдал! Лады, буду на связи. Если что, сразу связывайся!

– А то! Пока.

Михаил сунул в карман рацию, подготовил бур и выбрался из снегохода. И очень удивился – было тепло, едва ли ниже минус пяти. Воздух оказался на удивление свежим и пах чем-то странным, но неуловимо знакомым. Однако чем именно, гляциолог понять не смог.

Включив мощный фонарь, Лазарев осмотрелся. Снегоход стоял около дыры, из которой, похоже, и выскользнул. А вот место, где он оказался, немало удивило – почти идеально круглый сплюснутый зал казался рукотворным, слишком правильные формы он имел.

– Что за хрень?.. – от удивления Михаил даже присвистнул, ему о таком в Антарктиде слышать не приходилось, хотя байки ходили разные, порой самые невероятные.

Он подошел к ближайшей стене и дотронулся до удивительно ровной, словно отполированной стены. Однако это оказался лед, ничего необычного. Но почему тогда он такой гладкий? Возможно, когда-то давно здесь был гейзер, а потом вода ушла, оставив эту каверну? Трудно сказать без анализов.

Решив обследовать всю каверну, Михаил двинулся вдоль стены, то здесь, то там беря пробы. Каверна оказалась не слишком велика, всего лишь около пятидесяти метров в диаметре. И везде лед стен был столь же гладкий. Снова оказавшись у снегохода, только с другой стороны, он подумал, что надо бы глянуть, что там в центре, хоть и не надеялся увидеть что-либо интересное.

Направив луч фонаря в центр, Михаил сразу понял, что ошибся – луч переломился в гранях огромного кристалла и заиграл разными цветами по стенам каверны. Несколько мгновений гляциолог стоял, открыв рот, а затем, забыв обо всем, ринулся к кристаллу. Подойдя к нему, Лазарев осторожно дотронулся, ожидая встретить все тот же лед, но с изумлением обнаружил, что нет. Перед ним находился то ли горный хрусталь, то ли еще что-то – он не был особо силен в геологии. Что за чудеса? Откуда этот кристалл здесь, посреди вечных льдов?!

Он обошел кристалл по кругу – тот был выше самого Михаила почти на полметра, да и диаметр был примерно таким же. Форма – очень правильная, словно кто-то неизвестный тщательно огранил его с какой-то целью. Почему-то гляциологу безумно захотелось дотронуться хотя бы до одной из граней кристалла голой рукой. Он понимал, что это глупость, но ничего поделать со своим желанием не мог. Неуверенно стащив рукавицу, Михаил на мгновение помедлил и, выдохнув, коснулся кристалла указательным пальцем. Тот, как ни странно, оказался теплым. Не понимая, зачем он это делает, гляциолог вжал ладонь в одну из граней этого чуда.

И словно молния ударила ему в глаза. Все вокруг исчезло в разноцветном вихре, вокруг вспыхивали и гасли звезды, кружились планеты, само время остановило свой ход. А затем в память ровными кирпичиками начали укладываться сжатые пакеты информации, которых он пока не понимал, но это было неважно – придет время, поймет. Также потоком текли странные образы, иногда возникали лица разных людей. Одно из них Михаил даже узнал – знакомый, кажется, по ролевым играм, которыми он недолго увлекался в юности. Но так ли это? Опять же пока неважно.

Кирпичики продолжали складываться в цельную картину, от которой у Михаила волосы встали дыбом. Мир находился на грани гибели. Почему-то он сразу в это поверил, сам предполагал нечто подобное, наблюдая за происходящим. Слишком страшна была окружающая реальность, люди забыли обо всем, кроме материального успеха, поставив его во главу угла. Потому-то он и не мог долго жить в городе – слишком противно было видеть, как даже старые друзья превращаются в потребителей. Однако теперь он понимал ясно причины и следствия происходящего. Еще можно остановить гибель, еще не совсем поздно, и кое-кто пытается это сделать. Но им нужна помощь. Для того древние и оставили здесь информационный кристалл, чтобы однажды он сыграл свою роль. Кем были эти древние? Его это мало интересовало. Главное – другое. Сделать, что должно.

Михаил отступил на шаг, и кристалл в то же мгновение рассыпался в пыль. Однако не весь – на полу лежали двенадцать крохотных, почти невидимых в лучах фонаря вытянутых кристалликов. Гляциолог осторожно собрал их и положил во внутренний карман парки. Почему-то он был полностью уверен, что не потеряет ни один – это попросту невозможно. И

никто из тех, кто не должен, их не увидит. Едва заметная улыбка раздвинула губы человека, впервые в жизни точно знавшего, что должен делать.

– Михаил! – внезапно заговорила в кармане рация. – Мы уже рядом. Дырку видим. Что у тебя со снегоходом? Можешь подогнать поближе, вдруг удастся вытащить?

– Хорошо, попробую, ждите, – ровно ответил он.

Если бы кто-нибудь в этот момент увидел глаза Михаила, то немало бы удивился – в них вспыхивали золотистые искорки. Что-то в нем менялось, и менялось необратимо. И ему это нравилось. Мозг выходил на изначально заложенный режим работы, используя уже не один процент клеток, а значительно больше. Мышление стало четким, ясным, логичным. Сейчас он мог вспомнить любую строчку из когда-либо прочитанной книги.

Забравшись в машину, Михаил легко развернулся в зале и двинулся к наклонному тоннелю. Он ничуть не удивился, когда снегоход без проблем начал подниматься – иначе и быть не могло. Минут через пять впереди появилось светлое пятно, и вскоре машина с натугой перевалила через ледовый порожек, оказавшись снаружи. Навстречу ей кинулись люди.

– Живой, чертяка! – обрадованно похлопал выбравшегося из снегохода Михаила подбежавший первым начальник. – Эх, дать бы тебе в зубы за все хорошее!

В это мгновение раздался скрежет, все вокруг содрогнулось, и лед невдалеке от них осел на несколько метров вниз. Из дырки, в которую провалился Михаил, выбросило фонтан ледяных осколков. Каверны больше не существовало.

– Ну ты в рубашке родился... – с трудом произнес начальник через несколько секунд. – Вовремя выцарапался, да еще и снегоход вытащил... Ладно, давай быстрее на базу, буран вот-вот начнется.

– Когда будет первый борт на «большую землю»? – поинтересовался Михаил, которому в Антарктиде делать было уже нечего.

– Через пару дней, а что? Смена-то закончится через три недели...

– Хорошо. Просто мне срочно надо домой.

– Виктор, езжай с Михаилом, – распорядился удивленный и обеспокоенный начальник. – Если что, сразу сообщи, на буксир вас возьмем.

Вскоре два снегохода двинулись в путь. Михаил удобно развалился на пассажирском кресле рядом с Виктором, сидевшим за рычагами, и незаметно для того улыбался. Он почему-то был полностью уверен, что через три-четыре дня покинет Антарктиду. Навсегда.

* * *

*Снова полнитесь мир болью,
Веру страх, как свечу, душит,
Стали слезы любви солью
В море черного равнодушия.
Снова пламя в сердцах стынет
И приблизился лед смерти,
Значит должен на бой выйти
Наделенный всевластьем веры.*

Мистардэн

Широко зевнув, Рагнар протер глаза и потянулся. Затем одним глотком допил вчерашний холодный кофе и направился в ванную. Сегодня, слава Богу, можно отдыхать – вчера сдал заказ, который получить удалось буквально чудом, и теперь свободен, как ветер. Тем более, что фирма сразу же оплатила все до последней кроны. Даже удивительно, Рагнар думал, что придется дня два подождать, ведь заказ он сдал уже после пяти вечера. Теперь месяца два можно не думать о деньгах, не спеша подыскивая новый заказ.

Мелькнула ленивая мысль, что надо бы заскочить в книжный и поглядеть, что нового есть из фэнтези. К сожалению, на родном, исландском языке книг, которые ему нравились, было очень мало. Пришлось изучить английский, благо в его работе знание английского было просто необходимо. Однако даже на английском хорошую книгу найти было трудновато. Знакомые рассказали, что очень много интересных книг выходит в России, и теперь Рагнар поне-многу учил русский, благо второй язык учить всегда проще. Однако русский не походил ни что другое, порой от его странных правил голова кругом шла, но молодой вебмастер утешал себя мыслью, что китайский гораздо сложнее.

Пожалуй, надо бы спросить какую-нибудь книгу на русском, желательно, конечно, фантастику или фэнтези. Для изучения языка весьма пригодится, да и интереснее изучать будет – именно так, с книгой Толкиена в руках, он учил английский в свое время. Вопрос только, можно ли где-нибудь в Акюрейри купить книгу на русском? Очень сомнительно, но попытка не пытка.

Рагнар выглянул в окно, чтобы понять, что надевать, и скривился – погода на севере Исландии была верна себе. Скоро зима, чтоб ей провалиться. Выйдя на улицу, он накинул капюшон и застегнул его – дующий с фьорда ветер пронизывал до костей. Вебмастер даже пожалел, что выбрался из теплого дома. Добежав до машины, он поспешил залезть в салон. Заводить пришлось долго, давно пора покупать что-то другое, его старенькая малолитражка, подаренная отцом на восемнадцатилетие, уже давно дышала на ладан. Наконец она фыркнула и завелась. Облегченно выдохнув, Рагнар нажал кнопку открытия ворот и выехал наружу.

Ухоженные улицы мелькали мимо, вебмастер не обращал на них внимания – давно привык, родился и вырос здесь. Он только дважды выезжал за границу – побывал в Париже и на море в Испании. Хотелось съездить на дальний восток, но это было пока не по карману. Хотя последний заказ принес немало, вполне хватит на тур в ту же Японию или Сингапур. Вот только хотелось еще новую машину купить... В общем, надо подумать. Машина, в конце концов, может и подождать, а экзотические страны повидать будет интересно.

Припарковавшись невдалеке от книжного магазина, Рагнар поспешил проскользнуть внутрь, ветер все усиливался, да и дождь начался. В общем, ничего приятного. Он с удовольствием вдохнул запах старой бумаги и направился к продавцу, которого знал с детства.

– Рагнар, мальчик мой! – широко улыбнулся дядюшка Олаф, его седые бакенбарды встопорщились. – А у меня для тебя сюрприз!

– Здравствуй, дядюшка! – тоже улыбнулся он. – Что-то новое?

– Да, целых две книги! Ты, помнится, просил новую Буджолд? Так вот, пришла.

– А что еще?

– Джордж Мартин, последняя книга серии, – сообщил дядюшка. – Я слышал, по ней сейчас фильм снимают.

– Снимают, – подтвердил Рагнар. – Только не фильм, а сериал. Я первый сезон уже смотрел, хорошо сняли. Спасибо, с радостью возьму обе. Да, хотел вас спросить...

– Что, сынок?

– А на русском языке у вас книг случайно нет? Фантастики, конечно.

– На русском?.. – озабоченно почесал затылок дядюшка. – Ты знаешь, одна где-то валяется, все никак не соберусь выбросить, только место занимает. У нас-то по-русски никто не читает...

С этими словами он скрылся в глубине магазина и через некоторое время вынес оттуда скромно выглядящую книгу белого цвета с красным кругом на обложке.

– Какие-то Стругаски... – Он с трудом произнес непривычно звучащее имя.

– Сколько с меня за нее? – поинтересовался Рагнар.

– Да нисколько, забирай! – замахал на него руками дядюшка. – А эти две вот триста двадцать... нет, триста крон.

Поблагодарив старика и рассчитавшись, Рагнар заскочил в кафе рядом и плотно пообедал, чтобы не готовить дома – готовить он не любил. Через полчаса уже был дома. Разжег камин – всегда любил посидеть с книгой перед камином со стаканом горячего грога, слушая как потрескивают в огне поленья. Однако перед этим Рагнар по привычке включил компьютер, чтобы проверить почту – а вдруг какой-то заказ предлагают?

Письмо обнаружилось только одно, причем, как ни странно, из Японии. Ни с кем из японцев Рагнар до сих пор не переписывался. Видимо, опять спам. Однако почему захотелось посмотреть, что там. Проверив письмо на вирусы и трояны, вебмастер все же рискнул открыть его. Что за чушь? Ни слова текста, только какой-то странный, ни на что не похожий рисунок. Впрочем, нет, не рисунок, а анимация. Смотреть или нет? Впрочем, а что он теряет? И Рагнар решительно кликнул по рисунку.

На пустом фоне медленно нарисовалась многолучевая звезда, а затем вдруг начала меняться в каком-то странном, завораживающем ритме. Рагнару показалось, что ему в лоб над переносицей вонзился раскаленный гвоздь и принялся бешено там вертеться, постепенно расширяясь по спирали. Он попытался отодвинуться от экрана, крикнуть, позвать на помощь, но не смог даже пошевелиться. Перед глазами вращались огненные круги, на фоне которых сплетались в разные сочетания геометрические фигуры.

Когда все закончилось, Рагнар медленно встал и подошел к окну. На его губах играла какая-то странная, совсем не свойственная ему улыбка. Глаза светились холодным сиянием льда и стали. Одна часть сознания вебмастера тихо удивлялась такому способу передачи информации, не слышал, чтобы такое изобрели. Другая же его часть анализировала полученную информацию, методично раскладывая ее по полочкам. Нет, от него ничего не требовали и ничего не заставляли делать. Ему просто дали расклад событий на сегодняшний день. Значит, эти жадные сволочи допрыгались? Довели мир до ручки? Что ж, этого следовало ожидать. Удивительно, что Один (Рагнар христианином не являлся, исповедовал веру предков) решил все-таки дать людям шанс перед Рагнареком. Шанс измениться, шанс стать другими и спасти то, что еще можно спасти.

– Значит, Япония? – едва слышно прошептал Рагнар.

Перед его глазами стояло лицо средних лет японца, буддистского монаха, судя по одеяниям. Молодой вебмастер, точнее, теперь уже викинг, не знал точно, где станет искать этого человека. Хоккайдо? Хоккайдо довольно велик. Окрестности города Наёро? Но какие именно? Запад или восток? Север или юг? Однако он почему-то ничуть не сомневался, что найдет.

Подойдя к телефону, Рагнар набрал номер самой крупной в городе туристической компании и, поздоровавшись, сказал:

– Мне нужно как можно быстрее вылететь в Японию. Что для этого требуется?

Выслушав ответ, он быстро собрался и поехал в аэропорт. Опять же по неизвестной причине он был уверен, что получит японскую въездную визу очень быстро. На прощание он окинул свой дом взглядом, понимая, что может сюда уже не вернуться. Что ж, его предки не раз покидали родные фьорды, идя в дальний поход. Сейчас настал его черед.

* * *

*Взорвет ли песня сонные сердца,
Или прольет елей царям на душу?
И хватит ли любви – закон нарушить,
Чтоб соблюсти Законы до конца?*

Мистардэн

Сабуро зажег ароматическую палочку и сел на циновку. Сегодня случится то, что должно было случиться. Сегодня тот, кого он ждет, придет сюда – почему-то монах был в этом уверен. Он не пытался анализировать почему, просто не видел смысла – все произойдет именно так, как предписано свыше, и не иначе.

Маленький, тщательно ухоженный садик при монастырском храме навевал покой. Осень постепенно вступала в свои права, но сегодня было тепло и солнечно. Взгляд Сабуро скользил по желтеющим листьям сакуры, трепещущим под легким ветерком. Иногда какой-то листок срывался и плавно скользил к земле. Журчала вода в ручейке, крохотным водопадом срываясь на выложенные в строгом порядке камни.

Все это началось десять дней назад, когда Сабуро, как и сейчас, медитировал в саду после изнуряющей тренировки. Он тогда и представить не мог, что на него возложат такую задачу, не считал себя достойным для такого. Но раз Будда избрал именно его, то не ему перечить. Ему – исполнять волю бодхисатвы. Единственное, в чем сомневался Сабуро, так это в том, хватит ли сил. Правда, настоятель заверил его в поддержке всех братьев обители и не только – увидел, насколько изменился Сабуро после случившегося, и понял, что произошло невозможное.

– Сабуро! – отвлек его от медитации голос настоятеля. – Я думаю, что этот человек ищет именно тебя. В нем тот же свет, я чувствую.

Рядом с настоятелем стоял огромный белокурый европеец с грубым лицом и голубыми глазами. Вот только в этих глазах действительно горел неземной огонь.

– Я искал тебя... – негромко сказал европеец по-английски. – Я видел тебя...

– Я ждал тебя... – коротко ответил Сабуро.

– Пришло время открыть первый замок.

– И ключ готов к открытию.

Они не обратили внимания, как тихо и бесшумно ушел настоятель. Еще двое братьев, в этот момент находившиеся в саду, тоже исчезли, словно призраки – все понимали, что сейчас произойдет нечто такое, чему человеку быть свидетелем не должно.

– Мое имя – Рагнар, – представился европеец.

– Сабуро Сашими, – поклонился японец.

– Один направил меня к тебе. Рагнарек близится.

– Я знаю. Будда просветил меня.

– Пора.

С этими словами Рагнар шагнул вперед и протянул Сабуро руки ладонями вверх. Тот тоже ступил к нему и накрыл его ладони своими. И мир вздрогнул. Где-то в незримой выси зазвенел гонг, пронизывающий своим звучанием все сущее. В невидимой людям дали вспыхнул испепеляющий Свет, мгновенно сменившийся мягкой тяжестью Тьмы. Что-то раз и навсегда изменилось в мире, возникло что-то такое, чего никогда еще не бывало, пошатнулось что-то, что многие считали основой жизни.

Все хоть сколько-то энергетически чувствительные люди ощутили проходящую сквозь них, омывающую души чистую волну. Нет, она не смыла грязь, она всего лишь слегка очистила, показала, что есть иные горизонты, ради которых стоит жить. Ясноглазые, где бы они ни находились, радостно улыбались друг другу, иногда свет в их глазах становился нестерпимым для обычного человека. Первый замок открыт! Первый символ лег в мозаику! Путь начат.

В лаборатории, куда сходились все данные от бесчисленных датчиков, наблюдающих за ясноглазыми в Далласе, противно зазвенел зуммер тревоги – согласно показаниям приборов, энергетика мутантов скачком увеличилась сразу на порядок. Ученые забежали, пытались понять, что происходит. О случившемся немедленно доложили Халеду, которого эти новости крайне обеспокоили. Он отдал приказ продолжать наблюдения и любой ценой выяснить, что произошло. А сам немедленно доложил об этом руководству АНБ, попросив выделить дополнитель-

ные ресурсы, которые выделили сразу же и без лишних разговоров, предоставив Халеду практически неограниченные полномочия – слишком большой страх вызывали ясноглазые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.